

ДАНИЭЛА СТИЛ

Похищение

Даниэла Стил Похищение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122961
Даниэла Стил. Похищение: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43719-1
Оригинал: DanielleSteel, "Vanished"
Перевод:
А. Гейз

Аннотация

У Мариэллы Паттерсон, жены крупного бизнесмена, похитили сына. Подозрения падают на бывшего мужа Мариэллы – Чарльза Делони. Брак Мариэллы и Чарльза несколько лет назад кончился трагически: погибли их дети, Мариэлла оказалась в клинике. Чарльз считал жену повинной в трагедии. Может быть, теперь Чарльз, жаждущий отмщения, решил разрушить, казалось бы, обретенное счастье своей бывшей жены?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил

Похищение

Глава 1

Чарльз Делони медленно поднимался по ступенькам собора Святого Патрика, едва заметно прихрамывая. До Рождества оставалось две недели. Пронизывающий ветер хватал за горло ледяными пальцами. Он успел забыть, как холодно бывает в Нью-Йорке в декабре. Много лет прошло с тех пор, как он в последний раз приезжал в Нью-Йорк... Много лет он не видел своего отца. Сейчас отцу восемьдесят семь, а матери уже давно нет на свете. Она умерла, когда ему было тринадцать лет, и о ней он помнил только то, что она была очень красивая и добрая. Отец был теперь стар, болен, слаб и прикован к постели. Юристы настоятельно советовали Чарльзу приехать домой хотя бы на несколько месяцев и привести в порядок дела семьи. Чарльз был единственным ребенком в семье, поэтому бремя забот о делах целиком легло на его плечи. Бремя немалое – Делони владели земельными участками, в частности огромными территориями около Ньюбурга, штат Нью-Йорк, акциями угледобывающих, нефтяных и стальных компаний и весьма значительной недвижимостью в самом Нью-Йорке, в Манхэттене. Огромное состояние, составленное не Чарльзом и даже не его отцом, а обоими дедушками Чарльза. Но это состояние никогда не интересовало Чарльза.

Чарльзу Делони, сильному, молодо выглядящему человеку с обветренным смуглым лицом, знакомы были потери и страдания. Два года он воевал в Испании. Эта война стала одним из немногих на свете дел, которые его действительно занимали. Почти два года назад, в феврале 1937 года, он вступил в бригаду «Линкольн» и отправился в Испанию сражаться с фашистами. В августе под Гандессой в ходе жестокой битвы на реке Эбро он был ранен. Это было не первое его ранение. В последний год мировой войны, едва ему исполнилось пятнадцать лет, он убежал из дому, вступил в армию и был ранен в ногу в Сен-Мигеле. Его отец тогда страшно рассердился. Теперь отец совершенно не участвует в реальной жизни, не узнает собственного сына, ничего не знает о войне в Испании. Глядя на отца, спавшего в огромной кровати, Чарльз решил для себя, что так даже лучше. Они не поняли бы друг друга, яростно заспорили бы. Отец не воспринял бы сына таким, каким он стал, не сумел бы разделить его убеждений и понятий о свободе и о фашизме. Ему никогда не нравилось, что сын живет за границей. Старший Делони всегда считал, что его сын, поздний, единственный сын, непонятно почему скитается по Европе и занимается черт знает чем. В 1921 году Чарльз снова отправился в Европу и прожил там семнадцать лет. Иногда друзья предлагали ему работу, время от времени он публиковал свои рассказы, а в последнее время жил преимущественно на очень значительные доходы со своего состояния. Размеры доходов раздражали его. «Ни одному нормальному человеку, – высказался он однажды в беседе с близким другом, – не нужно для жизни столько денег». Часто он отдавал значительные суммы на благотворительные цели, а маленький гонорар за напечатанный рассказ доставлял ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Он учился в Оксфорде, затем в Сорбонне, потом на короткое время перебрался во Флоренцию. В то время он был, можно сказать, типичным представителем золотой молодежи. Много пил, тратил уйму денег на развлечения. В двадцать один год он считал себя вполне светским человеком, потому что провел в Европе вне всякого контроля три примечательных года. Он был знаком с такими людьми, о которых другие могли только читать в газетах, делал то, о чем немногие осмеливались мечтать. Потом... потом была Мариэлла... Но это уже дру-

гая история. История, о которой он теперь старался не вспоминать. Память о ней до сих пор причиняла боль.

Порой Мариэлла снилась ему по ночам, особенно когда он был в опасности, когда засыпал где-нибудь в окопе, когда пули свистели над головой. Он вспоминал, как она прижималась к нему... лицо... глаза, которые невозможно забыть... губы... и ее бесконечную грусть при их последней встрече. Это было почти семь лет назад, и с тех пор он не видел ее. Семь лет не видеть ее, не прикасаться к ней... не поднимать ее на руках... даже не знать, где она, и говорить себе, что теперь это не имеет значения. Однажды, когда он был тяжело ранен и не надеялся выжить, воспоминания о ней захватили его. Санитары нашли его без сознания в луже крови, а когда он очнулся, он мог бы поклясться, что видел, как она стояла за спинами санитаров.

Ей было всего восемнадцать лет, когда они встретились в Париже. У нее было такое прекрасное и живое лицо, что она казалась сошедшей с только что написанной картины. Ему тогда было двадцать три, он сидел с приятелем в кафе и вдруг увидел ее. Она потрясла его в самую первую секунду тем, что в ее взгляде застыла бесконечная щемящая грусть. Потом она ушла, но вскоре они встретились вновь, на приеме у посла. Их официально представили друг другу, они были чрезвычайно выдержанны, но глаза Мариэллы смеялись и сразу покорили его. Нельзя сказать, что ему удалось произвести столь же хорошее впечатление на ее родителей. Ее отцу, серьезному человеку, который был значительно старше своей жены, репутация Чарльза была прекрасно известна. Ее отец и отец Чарльза были примерно одних лет, и Чарльз припомнил, что они были когда-то шапочно знакомы. Мать Мариэллы, наполовину француженка, казалась Чарльзу бесконечно скучной, чопорной дамой. Родители держали Мариэллу на коротком поводке. Они требовали, чтобы танцевала она только под их присмотром. Им и в голову не приходило, как она привлекательна и какой веселой умеет быть. Но она умела быть и серьезной, и вскоре Чарльзу стало ясно, что с ней можно говорить. Она очень обрадовалась, встретив его в резиденции посла, вспомнила, что видела его однажды в кафе, но сказала она об этом гораздо позже, когда Чарльз слишком уж стал допытывать ее расспросами. Они увлеклись друг другом. Для нее он был интересным молодым человеком, он был не похож на всех молодых людей, кого она встречала до сих пор. Казалось, она хотела знать о нем все: откуда он, зачем приехал в Париж, почему так хорошо говорит по-французски. На нее произвело впечатление, что он начинающий, но подающий надежды писатель. Она немного занималась живописью и в первый раз говорила об этом неохотно. Потом, когда они познакомились поближе, она показала ему несколько действительно прекрасных рисунков. А в первый вечер их сблизил разговоры о литературе или живописи. Просто каждый из них понял, что им хорошо вместе. Ее родители тоже заметили их взаимную симпатию. Когда мать Мариэллы увидела, как самозабвенно ее дочь болтает с Чарльзом Делони, она сразу попыталась увести ее в сторону и познакомить кое с кем из молодых людей, присутствовавших на приеме. Но Чарльз следовал за Мариэлой неотступно, он превратился в ее тень, в ее постоянного спутника.

На следующий день они встретились в знаменитом кафе «Два монгола» в Сен-Жермен-де-Пре, а потом долго гуляли по набережным Сены, как влюбленные школьники. Она рассказывала ему о себе, о своей жизни, о своих мечтах, а мечтала она стать художницей, выйти замуж за любимого человека и родить ему девять или десять детей. Такая мечта его не увлекла, но сама Мариэлла уже успела свести его с ума. Под внешней хрупкостью этой девушки ощущалась сильная, волевая, исполненная жизни натура. Ее можно было сравнить с мраморной статуей прекрасной работы, на которую набросили кружевное покрывало. Чарльзу казалось даже, что ее кожа светится, как те изумительные статуи, которые он видел во Флоренции. Глаза светились, как два голубых сапфира, когда она слушала о его писатель-

ских планах. Он надеялся, что рано или поздно ему удастся опубликовать сборник рассказов. Он верил, что она разделяет его веру, его интересы и стремления.

Родители увезли ее в Довилль, и он поехал за ней туда, потом в Рим, в Помпею, на Капри, в Лондон... Потом снова в Париж. Куда бы она ни поехала, везде у него находились друзья, поэтому его появление каждый раз выглядело естественным. Чарльзу нравилось ходить с ней на долгие прогулки, провожать ее на балы, он даже соглашался скучать целыми вечерами в обществе ее родителей. Она стала для него источником упоительного блаженства, и он знал, что она нужна ему всегда и везде. Уже в августе... в Риме... та же неудержимая страсть поселилась и в ее глазах.

Чарльз не внушал доверия ее родителям, но они прекрасно знали, из какой он семьи, видели его прекрасные манеры, отмечали, что он умен, и никогда не забывали, что он являлся единственным наследником своего отца, обладателя громадного состояния. Деньги не значили для Мариэллы ничего, родители ее были вполне обеспечены, и о финансовых проблемах она никогда не думала. Она думала только о Чарльзе, о его сильных руках, плечах, о том, какие у него сумасшедшие, притягательные глаза, когда они целуются, какое у него точеное лицо, как на древнегреческих монетах, какие у него ласковые руки и каким нежным он умеет быть.

Чарльз не собирался возвращаться в Штаты. Взаимопонимания с отцом у него не было с тех пор, как в пятнадцать лет он бежал на войну, и Нью-Йорк мог ему разве что присниться в кошмарном сне. Он считал, что Нью-Йорк тесен для него, там нудно, там нет свободы. От Чарльза много ждали, но ему самому хотелось совсем иного. Определенное положение в обществе, обязанность постоянно представлять семью, а не себя самого, необходимость разбираться в капиталовложениях, вопросах управления предприятиями, биржевых играх, вникать в то, что покупает и продает отцовская фирма, и помнить, что в один прекрасный день ему суждено унаследовать эту фирму. Все это Чарльз объяснял Мариэлле, ласково глядя ее шелковистые волосы, спадающие на плечи. Мариэлла была высокая девушка, но рядом с ним становилась дюймовочкой, чувствовала себя маленькой, хрупкой и в то же время удивительно защищенной.

К моменту их знакомства Чарльз прожил в Париже пять лет и окончательно понял, что влюблен в этот город. Здесь его жизнь, его друзья, литература, его душа, вдохновение. Но Мариэлле в сентябре предстояло плыть домой на пароходе «Париж». Она вернется к размеренной жизни в элегантном доме на 66-й улице, к мужчинам, с которыми она встречалась до поездки в Европу, к подругам и прежним знакомым. А дом Делони, уважаемый и одновременно скучный, расположен всего в десяти кварталах севернее. Он не мог идти ни в какое сравнение с чердаком дома на рю дю Бак, который Чарльз снимал у домовладельца-аристократа. Этот человек в последние годы обеднел настолько, что был вынужден открыть «частный отель» в собственном доме. Однажды Мариэлла пришла к Чарльзу на рю дю Бак, и они провели там несколько часов, позабыв обо всем на свете. И в ту минуту, когда она уже готова была отдаться ему, Чарльз опомнился, вскочил на ноги и быстро вышел из комнаты. Мариэлла села на край кровати и поправила на себе платье, стараясь обрести хладнокровие. Вскоре Чарльз вернулся и присел на кровать рядом с ней.

– Прости меня... – Его темные волосы, горящие зеленые глаза придавали его внешности какую-то театральность, но в голосе прозвучало такое неподдельное волнение, что Мариэлла была тронута. Она до сих пор не встречала таких мужчин, как он, и ее ни к кому не влекло так, как к нему. Она теряла голову от страсти и справиться с собой уже не могла.

– Мариэлла... – сказал он очень мягко. Ее каштановые с рыжеватым отливом волосы закрывали пол-лица. – Я больше не могу... Ты сводишь меня с ума.

Но ведь и он сводил ее с ума, и она была счастлива. Ни он, ни она еще не испытывали в жизни ничего подобного.

Он наклонился к ней и поцеловал, а она ласково улыбнулась ему. Ее близость пьянила его. Он знал наверняка только одно: он не хочет ее терять. Ни сейчас, ни вообще когда-либо. И не хочет ехать за ней в Нью-Йорк, не хочет делать ей предложение, серьезно беседовать с ее папой. Он не хочет ждать ни минуты. Пусть все решится сейчас. Пусть она навсегда останется с ним. В Париже. В этой самой комнате, в этом вот доме.

– Мариэлла! – Он посмотрел на нее твердым взглядом, и ее глаза потемнели.

– Что? – тихо спросила она. Она была еще так молода, но она была влюблена в него, и он уже убедился, что у этой хрупкой девушки сильный характер.

– Выйдешь за меня замуж?

От изумления она открыла рот, потом засмеялась.

– Ты это серьезно?

– Конечно. Ты же... Ты согласна? – Сердце колотилось в груди от волнения. Вдруг она скажет «нет»? Ему казалось, что вся его дальнейшая жизнь зависит от ее следующего слова. Что, если она не пойдет за него замуж? Что, если теперь она все-таки захочет уехать домой с родителями? Что, если их отношения – для нее только игра? Но в ее глазах он прочитал, что ему нечего бояться.

– Когда? – Мариэлла несмело улыбнулась.

– Сейчас. – Именно сейчас, немедленно, и тогда все будет хорошо.

– Ты смеешься надо мной.

– Нет.

Он поднялся и начал мерить шагами комнату, как молодой лев. Теперь он весь отдался мечтам о будущем.

– Мариэлла, я говорю очень серьезно. – Вдруг Чарльз замер на месте и посмотрел на нее, весь напряженный, словно наэлектризованный. – Ты так и не ответила на мой вопрос.

Мариэлла встала и шагнула к нему, а он сжал ее в объятиях и долго не размыкал рук. Мариэлла рассмеялась.

– Ты сошел с ума.

– Да, я сошел с ума. И ты тоже. Так как же? – Он сжал ее еще крепче, она попыталась освободиться из его объятий, но вдруг нежно прильнула к нему всем телом. Тогда он стал жадно целовать ее, словно надеясь извлечь ответ из ее губ.

– Да... Да... Да... Выйду... – Она уже задыхалась. Оба стояли и улыбались друг другу. – Когда ты хочешь поговорить с моим отцом? – Она снова опустилась на кровать. Лицо Чарльза помрачнело.

– Да он никогда не согласится. Даже если и согласится, то потребует, чтобы мы вернулись в Штаты и начали там степенную жизнь под его личным наблюдением. – Теперь Чарльз опять был похож на льва, который ни за что не позволит запереть себя в клетку. – Могу тебе сразу сказать, что я на это не согласен.

– Не согласен говорить с моим отцом или не согласен возвращаться в Нью-Йорк? – Она сидела на кровати, вытянув перед собой длинные ноги. Теперь она казалась встревоженной, а он старался этого не замечать.

– Ехать в Нью-Йорк, конечно... И вообще, да к черту их всех... – Он опять пристально посмотрел на нее. Волосы его растрепались, глаза так и впивались в девушку. – А давай куда-нибудь уедем?

– Куда уедем? От родителей? – Мариэлла была поражена. Чарльз молча кивнул. Она уже хорошо знала его и понимала, что он говорит серьезно. – Господи, да они же убьют меня.

– Я им не позволю, – возразил Чарльз и сел с ней рядом. – Тебе отплывать через две недели. Если мы решим, что теперь будем вместе, надо уезжать скорее.

Она медленно кивнула, как бы задумавшись над его словами, но в глубине души она уже знала, что выбора у нее нет, решать, собственно, нечего. С ним она убежала бы на край света. Когда он снова поцеловал ее, она решилась окончательно.

– Как ты думаешь, они потом простят нас?

Но родителей своих она тоже хорошо знала. Как и Чарльз, она была единственным ребенком в семье, ее отец тоже был намного старше матери. Ее родители, и особенно мать, возлагали на нее большие надежды. Прошлой зимой в Нью-Йорке они начали вывозить Мариэллу в общество, теперь предприняли Большое Путешествие в надежде, что ждать осталось недолго и в скором времени Мариэлла выберет себе подходящего мужа. Кстати, в некоторых отношениях Чарльз мог бы считаться хорошей кандидатурой, во всяком случае, его происхождение было подходящим, вот только его образ жизни отличался, мягко говоря, эксцентричностью. Ее отец, наверное, сказал бы, что со временем Чарльз переберется. Но недавно, когда она попыталась поговорить с отцом о Чарльзе, отец предложил подождать до тех пор, пока ее избранник в самом деле остепенится.

– Родная моя, мы скоро вернемся в Нью-Йорк, может быть, там ты его увидишь в другом свете. В Нью-Йорке ведь много молодых людей. На этом молодом человеке свет клином не сошелся.

В самом деле, нынешней весной расположения Мариэллы добивался Вандербильд-младший, а ее мать всерьез рассчитывала на молодого красавца Астора¹. Впрочем, Мариэллу они совершенно не интересовали. И ей вовсе не хотелось ждать, пока Чарльз придет в Нью-Йорк. Она была уверена, что он не захочет возвращаться. Не потому даже, что он терпеть не мог Нью-Йорк и вообще Соединенные Штаты и не выносит своего отца. Просто ему по сердцу та жизнь, которую он ведет последние пять лет. Париж – его город.

И Мариэлла решилась: они сбежали за три дня до ее предполагаемого отъезда, оставив ее родителям записку в отеле «Криллон». В этой записке Мариэлла упрашивала родителей ни о чем не беспокоиться и возвращаться домой и уверяла, что они с Чарльзом придут в Нью-Йорк на Рождество. Отец Мариэллы не пожелал последовать этому совету, так как был уверен, что влюбленные вот-вот явятся с повинной. О решении дочери он сразу же сообщил американскому послу и попросил его навести справки, но послу удалось узнать только то, что молодые люди зарегистрировали брак в Ницце, а затем, по всей вероятности, пересекли итальянскую границу.

Мариэлла сознавала, что причиняет родителям горе, но в то же время она понимала, что рано или поздно они смогут утешиться. Конечно, в своих бесчисленных авантюрах Чарльз приобрел довольно сомнительную репутацию, зато финансовое положение его отца было непоколебимо. Так что Мариэлла надеялась, что в конце концов ее родители оценят хотя бы то существенное обстоятельство, что их дочери оказал внимание столь богатый наследник.

Чарльз и Мариэлла провели изумительный медовый месяц, путешествуя по Италии. Они побывали в Умбрии, Тоскане, Риме, Венеции, Флоренции и на озере Комо, затем очутились в Швейцарии и наконец в конце октября возвратились в Париж. В Париже выяснилось, что родители Мариэллы так и не вернулись в Нью-Йорк и по-прежнему жили в отеле «Криллон».

Мариэлла и представить себе не могла, что родители еще в Париже, и была несказанно удивлена, узнав, что они ее ждут. Со времени бегства Мариэллы прошло два месяца, но за это время сердца ее родителей не смягчились. Когда Мариэлла и Чарльз явились к ним в отель, держась за руки, счастливые, веселые, Чарльзу было приказано немедленно убраться, а также объявлено, что завтра начнется бракоразводный процесс.

¹ Вандербильды, Асторы – могущественные и богатейшие в США семейства.

– На вашем месте я бы не стала этого делать, – тихо сказала Мариэлла, и Чарльз улыбнулся твердости, с которой она произнесла эти слова. Такая робкая, застенчивая девушка и так твердо высказывает свое мнение! Чарльзу очень нравилось, что Мариэлла умеет быть решительной. Но ее отец буквально пришел в ярость и зарычал:

– Не смей указывать мне, что мне делать!

А мать произнесла напыщенную речь о черной неблагодарности, об опасностях, которым Мариэлла подвергала себя, оставаясь с Чарльзом, о том, что родители желают ей только добра, о своих рухнувших надеждах. У Чарльза немедленно зазвенело в ушах, а Мариэлла стояла как скала, спокойно и твердо глядела на родителей. В восемнадцать лет она уже стала взрослой женщиной, которой Чарльз будет восхищаться всю оставшуюся жизнь.

– Папа, расторгнуть брак невозможно, – снова тихо сказала она. – У меня будет ребенок.

Чарльз изумленно воззрился на нее, и вдруг ему стало радостно на душе. По всей вероятности, Мариэлла сказала неправду, но она выбрала хороший способ заставить родителей отступить. Но едва она произнесла эти слова, как разверзлись хляби небесные: мать принялась орать еще громче, а отец уселся и стал ловить ртом воздух, старательно изображая сердечный приступ. Мать заявила, что Мариэлла убивает отца, потом старик поплелся прочь из комнаты, поддерживаемый заботливой супругой, а Чарльз предложил Мариэлле вернуться в дом на рю дю Бак, а к семейным разговорам вернуться позже. Они покинули отель и несколько кварталов прошли пешком. Было тепло, и Чарльз чувствовал себя совершенно счастливым. Он поминутно прижимал Мариэлла к себе и целовал.

– Это было великолепно придумано. Мне надо было самому догадаться.

– Это не придумано. – Мариэлла тоже была счастлива. – Это правда. – Она была довольна собой. Совсем еще недавно она была маленькой девочкой и вот скоро станет матерью. Он снова удивился:

– Ты это серьезно?

Она кивнула и посмотрела ему в глаза.

– Когда это случилось? – В его голосе звучало удивление, а вовсе не тревога.

– Сама не знаю... В Риме... Может, в Венеции... Я сама только на прошлой неделе убедилась.

– У-у, обманщица моя! – Но он был доволен, обнял ее опять. – Когда же родится наследник дома Делони?

– Наверное, в июне. Где-то так.

Он никогда не задумывался, что когда-нибудь ему предстоит стать отцом. Наверное, ему полагалось испугаться, пожалеть о вольной жизни, которую он вел до сих пор. Но он был опять-таки счастлив.

Чарльз поймал такси, они забрались на заднее сиденье и поехали на рю дю Бак, поминутно целуясь. Они были похожи на влюбленных школьников, а не на супругов и будущих родителей.

На следующий день родители Мариэллы были по-прежнему вне себя от гнева, но после двух недель упорных переговоров все-таки смягчились. Мать Мариэллы отвезла дочь к известному врачу, и последние сомнения развеялись: Мариэлла была беременна. Вопрос о расторжении брака был снят с повестки дня. Родителям пришлось смириться с существованием Чарльза Делони, так как их дочь не представляла себе жизни без него. Чарльз же со своей стороны пообещал им, что купит хорошую квартиру, наймет прислугу, няню для ребенка, обзаведется машиной, и после этого родители Мариэллы наконец отправились восвояси. Ее отец вытянул из него обещание стать «солидным человеком». Может, солидным он пока и не стал, но всем было ясно, что молодым супругам хорошо вместе.

Родители Мариэллы отплыли от берегов Европы на пароходе «Франция», и Мариэлла с Чарльзом, вымотанные общением с ними, решили не ехать в Нью-Йорк ни на Рождество, ни когда-либо в ближайшем будущем. Им было хорошо вместе в их маленькой квартирке в доме на левом берегу Сены. Друзья Чарльза приходили к ним в гости, а ему самому никогда еще не писалось так хорошо, как в это время. Был в его жизни краткий миг, когда жизнь казалась безоблачной, и было это в Париже в 1926 году.

* * *

Чарльз надавил на массивную дверь собора Святого Патрика. Дверь оказалась настолько тяжелой, что от усилия заныла рука, а раненая нога заболела еще сильнее. Холодная зима, совсем как в Европе. Как давно он не был в Нью-Йорке, как давно не заходил в церковь. Когда Чарльз поднял глаза к высокому своду собора, он даже подумал, что, может быть, зря он приехал. Тяжело было видеть отца таким беспомощным. Ужасно видеть, что отец до такой степени оторван от происходящего вокруг. В какой-то момент Чарльзу показалось, что отец узнал его, но мгновение прошло, глаза отца, снова пустые, закрылись, и голова тяжело откинулась на подушку. Глядя на отца, Чарльз почувствовал себя совершенно одиноким. Как будто Делони-старшего уже нет. И его самого уже могло бы не быть. Многих уже нет рядом с Чарльзом. Например, друзей, вместе с которыми он сражался в Испании... Не слишком ли много людей, за которых надо молиться?

Чарльз подождал, пока священник пройдет мимо него, и подошел к маленькому алтарю. У этого алтаря молились две монахини, и младшая из них слегка улыбнулась Чарльзу, когда он неловко опустился на колени. Черные волосы его уже были тронуты седой, но глаза все еще блестели, как блестели они в пятнадцать лет, и он все еще излучает силу, энергию, мощь. Это заметила даже молодая монахиня. Но когда он склонил голову, в его глазах проступила глубокая грусть, вызванная мыслью о тех, кто значил для него так много, кого он так любил и с кем рядом сражался. Но он пришел не молиться. Он пришел сюда, потому что сегодня – годовщина самого страшного дня его жизни... прошло девять лет... две недели до Рождества. Этот день ему не забыть... В этот день он едва не убил ее. Он был не в себе, точнее, вне себя от гнева и боли... совершенно невыносимой боли. Ему хотелось перерезать себе горло, чтобы унялась эта боль, ему хотелось перевести назад стрелки часов, чтобы никогда не случилось то, что случилось... И все-таки он ее любил... их обоих любил... Сейчас невыносимо думать об этом. Он наклонил голову, но молиться за него и за нее не мог, ни за кого не мог молиться, думать не мог... так болит, болит до сих пор, та же тупая боль, разве что в последние годы он редко разрешает себе думать об этом. Но порой его пронзает такая боль, от которой захватывает дух и с которой никак не сладить.

По щеке его медленно катилась слеза, и он смотрел прямо перед собой, не видя ничего, а молодая монахиня смотрела на этого красивого и страдающего мужчину. Уже давно он стоял на коленях и вспоминал их, своих любимых, и думал о том, что было в той жизни, которой нет больше, о том, о чем когда-то запретил себе вспоминать. Но именно сегодня ему захотелось прийти сюда, чтобы оказаться ближе к ним. Так близко праздник Рождества, и от этого еще тяжелее.

В Испании он нашел бы церковь, какую-нибудь крохотную часовню, какую-нибудь развалину, и там стоял бы и думал о том же, и испытывал бы все ту же крестную муку, но там было бы проще, там проще жить. Здесь же нет ничего, кругом чужие, незнакомые люди, холодный серый камень, напоминающий ему серый дом, в котором он теперь живет бок о бок с умирающим отцом. Медленно поднявшись с колен, он принял решение: надолго в Штатах он не останется. Он должен вернуться в Испанию. Его место там. Здесь он не нужен никому, кроме адвокатов и банкиров, а они-то его совершенно не волнуют. И никогда не волновали,

а сейчас даже меньше, чем когда-либо. Он ведь так и не сделался «солидным человеком», о чем мечтал его тесть. Он улыбнулся при этой мысли и вспомнил тестя с тещей, их тоже уже нет на свете. Все умерли. Чарльзу Делони недавно исполнилось тридцать пять лет, а чувствовал он себя так, как будто прожил десять веков.

Он долго стоял и смотрел на статую Мадонны с младенцем... вспоминал... потом медленно пошел обратно, так и не испытав облегчения. Напротив, его боль стала острее. Как хорошо было бы опять прижать к себе Андре, вернуть эту близость с ним, его родное тепло, почувствовать его нежную пахнущую молоком и цветочным мылом кожу, подержать его маленькую руку, которая так крепко держалась за его большую ладонь.

В глазах Чарльза стояли слезы, и он вслепую шел к дверям собора. Вдруг ему показалось, что должно случиться что-то невероятное, невозможное. Хотя почему же невозможное? Ведь и раньше, даже в самый разгар боя, на поле сражения ему казалось, что он видит ее. Он видел ее так же ясно, как видит сейчас эту женщину.

Сейчас эта женщина шла мимо него, закутанная в меха, но мысли ее были далеко, словно она видела нечто невидимое для других. Она не видела его, не замечала никого в соборе. Он долго стоял, смотрел на нее, страдал (он давно уже не страдал так), смотрел, воспоминания оживали, и он начинал понимать, что это не призрак, это действительно женщина, которая очень похожа на нее. Высокая, стройная, грустная, очень красивая. На ней черное платье (траурное?), поверх него – длинная соболья шуба, почти до пола, и лица почти не видно под широкополой шляпой, но он почему-то точно знает, какие у нее глаза. Вот она едва уловимым движением сняла черную перчатку и преклонила колени перед небольшим алтарем. Изящная, высокая, стройная, только, кажется, очень похудевшая. Она прикрыла лицо руками и, по-видимому, долго молилась. Он знал, зачем она пришла. Затем же, зачем и он. Это была Мариэлла, он смотрел на нее и понимал, что это она, хотя поверить в это было невозможно.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она повернулась и посмотрела в его сторону, но ясно было, что она его не увидела. Она зажгла четыре свечи, опустила деньги в кружку для пожертвований, а после этого снова долго стояла и смотрела на алтарь, и по ее щекам текли слезы. Потом наклонила голову, отступила назад и, повернувшись, нерешительно прошла между скамеек. Теперь между ними оставалось всего несколько дюймов. Чарльз поднял руку и задержал ее. Она подняла на него удивленный взгляд, как будто вдруг очнулась от глубокого сна, и посмотрела ему прямо в глаза. Прижала ладонь к губам. Глаза, высохшие было у алтаря, снова наполнились слезами.

– Боже...

Невозможно. Но это так. Почти семь лет она не видела его. И вот увидела снова, но в это нельзя поверить.

Он молча коснулся ее руки, и она, не раздумывая, не говоря ни слова, склонилась к нему, а он обнял ее обеими руками. Показалось на миг, что это какая-то таинственная сила привела их обоих сюда, повелела снова быть вместе. Как двое тонущих, они ухватились друг за друга посреди этой большой и холодной церкви. Лишь через несколько минут она нашла в себе силы отстраниться от него и посмотреть ему в лицо. Он выглядел старше, он измучен на полях сражений. Да, он постарел, и на лице у него шрамы, и самый страшный шрам на руке, и болит нога, и седина в волосах. А она смотрит на него, и ей опять восемнадцать лет, и сердце колотится так же, как когда-то в Париже. Все эти годы она знала, что часть ее души навсегда осталась с Чарльзом Делони. Очень давно ей пришлось с этим смириться, чтобы жить дальше. Или надо изменить свою жизнь, принять на себя его боль. Она уже научилась переносить свою и чужую боль.

– Не знаю даже, что тебе сказать, – грустно улыбнулась Мариэлла, стирая слезу со щеки, – ведь когда столько лет прошло, не спросишь «как дела?».

Глупо, в самом деле. А сказать действительно больше нечего. Когда-то до нее нет-нет да и доходили вести о нем, но вот уже сколько времени она ничего о нем не слышала. Она лишь знала, что его отец болен. Ее родители умерли, когда она еще жила в Европе. Это было ему известно.

– Ты просто сказочная красавица.

Он мог только стоять и смотреть на нее. Сейчас ей тридцать лет, и она стала еще прекраснее, чем в восемнадцать, когда она выходила за него замуж. Кажется, исполнились все ее желания, а глаза у нее все равно грустные. Не так-то легко в них смотреть.

– С тобой все в порядке?

В этот короткий вопрос он вложил очень многое, и, как прежде, она поняла его. Когда-то Мариэлла и Чарльз были одним танцем, одной песней, одним движением. Стоило ему не подумать даже, а только захотеть подумать о чем-то, как она могла уловить его мысль. Они удивительно хорошо знали друг друга. Они могли бы быть, да и были половинками одной личности. Да, две половинки... А целое-то сейчас где? Чарльз смотрел на Мариэллу и думал, существует ли еще это целое. Одетая она была дорого, ее соболья шуба была великолепна. И шляпа от Лили Дашэ, Мариэлла всегда умела носить шикарные вещи. Нет, теперь она стала еще утонченнее. Неужели он боится ее теперь? Или она уже не так волнует его? Нет, он ее не боится, она терзает его сердце, так и было все эти годы. Ну почему она была так страшно упряма в день их последнего свидания?

– Мариэлла, что-то ты очень серьезная.

Он заглядывал глубоко в ее глаза, ожидая ответов на все свои вопросы. Она попыталась улыбнуться, отвела взгляд, потом опять посмотрела на него.

– Трудно... нам обоим трудно... день такой...

О да, сегодня такой день, иначе они и не пришли бы сюда. Ей все еще казалось странным, что вот прошло столько лет, а они опять стоят вдвоем под сводами собора Святого Патрика.

– Ты насовсем вернулся?

Ей хотелось знать, как он живет. Он казался ей крупнее, сильнее, чем раньше, в нем угадывалась новая сила. И, казалось, у него будто обнажились нервы.

Он покачал головой, и ему вдруг захотелось остаться здесь, в соборе, и говорить с ней, говорить...

– Не думаю, что пробуду долго. Я приехал три недели назад. Уже думаю возвращаться в Испанию.

– В Испанию? – Она удивленно подняла брови. Она помнила, как тесно его жизнь была связана с Парижем, и не могла себе представить его вне этого города.

– Там война. Я воевал там два года.

Она кивнула. Вот теперь все понятно.

– Я так и думала, что ты, наверное, там. – Да, война – это как раз для него.

Она была права. Он просто не мог не поехать в Испанию. Ему нечего терять. И искать нечего. И незачем оставаться дома.

– А ты?

Он пристально посмотрел ей в лицо. Странные вопросы, такие вопросы не принято задавать в церкви, но каждому из них хотелось узнать все друг о друге.

Она долго молчала, а потом ответила чуть слышно:

– Я замужем.

Он кивнул, стараясь не показать своей боли. А ведь ей удалось мгновенно растравить рану, которая не заживала очень долго.

– Я его знаю?

Вряд ли, ведь он провел за границей целых семнадцать лет. Но по ее внешнему виду можно заключить, что она замужем по меньшей мере за Астором.

– Не думаю. – На самом деле она знала, что ее муж был когда-то другом Делони-отца. Муж был на двадцать пять лет старше ее. – Его зовут Малкольм Паттерсон.

В ее глазах не было радости, когда она произносила его имя. И гордости не было. Поля шляпы закрыли от него ее лицо. Что-то неясное послышалось в ее словах, что-то такое, что ему не понравилось. Она была прекрасна, но вовсе не выглядела счастливой. Так вот что с ней произошло за эти семь лет. Он не был ошеломлен. Но он был встревожен. Да, именно так.

– Знакомое имя, – холодно сказал Чарльз, и ему очень захотелось еще раз взглянуть Мариэлле в глаза. – И ты счастлива?

А если бы он сейчас предложил ей вернуться к нему, что бы она ему ответила? Ему-то самому было ясно, что она не должна отказываться.

Она не знала, как ответить. Она ценила свой брак. Малкольм пообещал заботиться о ней в то самое время, когда забота была ей так необходима, и он сдержал обещание. Он не дал ей предаться отчаянию. Он был к ней добр. Но в первое время она не отдавала себе отчета в том, что муж ее может быть холодным, чужим, что ему порой будет не до нее. Слишком часто он бывал занят. И все же во многих отношениях он был идеальным мужем. Умен, вежлив, предупредителен, обаятелен. Но он – не Чарльз... нет в нем страсти, пламени... Не его лицо представлялось ей в те часы, когда она находилась на грани между жизнью и смертью... Не его имя она шептала... Они это знали, и Малкольм, и Мариэлла.

– Чарльз, я спокойна. А это много для меня значит.

С Чарльзом нельзя было быть спокойной... С ним было упоение, счастье, страсть, любовь... порой отчаяние... И горе было, такое же огромное, как и страсть.

– Я тебя видел... в Испании... я бредил, когда меня ранили... – сказал он словно в полусне.

«А я тебя видела каждую ночь», – хотела сказать Мариэлла, но не смогла. Только улыбнулась.

– Бывают призраки, Чарльз.

И есть среди них такие, что приносят боль.

– Нет, не призраки. Разве мы – призраки? Призраки – и все?

– Может быть.

Только проведя два года в санатории для душевнобольных, она поняла, что кошмар кончился и теперь можно жить – пусть с болью в сердце, но все-таки жить после всего, что произошло. Сейчас нельзя рисковать, нельзя рисковать даже ради него, ради него тем более нельзя. Не надо позволять себе возвращаться вспять. Да, она все еще бесконечно любит его, но это не имеет сейчас значения. Она коснулась его руки, его щеки, он наклонился, чтобы поцеловать ее, но она отстранилась. Он все-таки поцеловал ее в щеку, совсем близко к губам, и она долго не открывала глаз.

– Я люблю тебя... Я тебя все время любил...

Она узнала этот огонь в его глазах. Это не физическое влечение, доводящее мужчину до безумия, а истинная любовь, рожденная узнаванием, заботой, верой в любимого человека. Такая страсть убивает. Мариэлла знала, что эта страсть когда-нибудь погубит Чарльза. Когда-то она сама едва не погибла в пламени его безумств и теперь не может рисковать. У него появились шрамы, но и у нее тоже. Она ранена не на поле боя, но от этого ее раны болят не меньше.

– Я тебя тоже люблю, – прошептала она, понимая, что не следует говорить такие слова. Но шепот явился из прошлого, как отзыв той жизни, которая закончилась вместе с жизнью Андре.

– Давай еще раз встретимся, пока я не уехал в Испанию.

Давить – вот это похоже на него. Сейчас он заставит ее почувствовать себя в ответе за него. Как же, ведь он едет на войну! Она опять улыбнулась, но на этот раз отрицательно покачала головой.

– Не могу, Чарльз. Я замужем.

– Он знает про меня?

Она опять покачала головой. Этот вопрос был для нее мучительным.

– Нет, не знает. Он считает, что я бурно провела лето во время путешествия по Европе, слегка отбилась от рук. Так мой отец рассказывал друзьям. Отец всегда говорил, что был, мол, «бурный роман». Больше Малкольм ничего не знает. Он никогда не позволял мне говорить об этом. Малкольм понятия не имеет, что я была замужем.

Ох, как это похоже на ее отца! Он никогда никому не говорил, что его дочь жила с Чарльзом, благо сами родители остались тогда в Европе. Ее отец всю жизнь заботился исключительно о репутации, ему лишь бы остаться внешне безупречным. Он лгал для ее же блага, всем говорил, что дочь учится в Европе. Во что бы то ни стало сохранить лицо. Ради этого он так старался спасти Мариэллу от «ужасной ошибки», когда она решила выйти замуж за Чарльза Делони. И до сих пор муж Мариэллы верил в эту ложь, потому что она сама его не разубедила.

Чарльзу не верилось, что Мариэлла ни разу не сказала мужу правду. Они-то друг другу говорили все. Делились любыми секретами. Но, с другой стороны, что было скрывать в восемнадцать лет? В тридцать – совсем другое дело.

– Чарльз, он ничего не знает о нас. Зачем?

В самом деле, зачем говорить ему, что двадцать шесть месяцев она провела в лечебнице для душевнобольных, ожидая смерти... призывая смерть... вскрывала вены... пила таблетки... топилась в ванне... Зачем говорить ему о таком? Чарльз знал, он оплачивал счета из санатория... Она в конце концов оправилась.

– А ты ему скажешь, что сегодня видела меня?

Ему была интересна ее жизнь, их жизнь. Что у них за семья, если она ничего ему не сказала о прошлом? Любит ли она его, а он ее? Теперь, после стольких лет, она с такой легкостью сказала «я тебя люблю», а Чарльз ей поверил. В ответ на его вопрос она покачала головой.

– Как я могу сказать, что видела тебя, если он не знает, что ты был когда-то в моей жизни? – Она оставалась спокойной и красивой. Она совсем не волновалась, и Чарльз не понимал почему.

– Ты любишь его? – Он в это не верил, но хотел знать наверняка.

– Конечно. Он мой муж.

Нет, она уважает его, она благодарна ему. Но она никогда не любила его так, как любила Чарльза, и никогда не сможет его полюбить. Более того, ей это не нужно. От такой любви бывает слишком много боли, а ей уже не хватает мужества. Она взглянула на часы, потом снова на Чарльза и сказала:

– Я должна идти.

– Зачем? Что случится, если ты не пойдешь домой и мы будем вместе?

Он выговорил эти слова.

– Ты не переменяйся. Ты все тот же, каким был тогда, в Париже, когда уговорил меня бросить родителей. – Она улыбнулась этому воспоминанию, и он улыбнулся в ответ.

– Тогда тебя было легче убедить.

– Тогда все было легче, ведь мы были моложе.

– Ты не стареешь. – Это неправда, она знала в глубине души, что это неправда.

Она поплотнее запахнула шубу, натянула перчатку, и Чарльз сделал шаг к выходу из собора.

– Я хочу с тобой еще раз увидеться до отъезда.

Она вздохнула и опять повернулась к нему.

– Невозможно, Чарльз.

– Если не решишься, я приду к вам домой и позвоню в дверь.

– Да, ты на это способен. – Она засмеялась, несмотря на то что сегодня печальный день и именно общая печаль привела их сюда.

– О, ты потом долго будешь объяснять мужу, что к чему!

От одной мысли об этом у нее едва не разболелась голова.

– Ты знаешь, где я. У отца. Звони. Или я сам позвоню.

Прошло семь лет, и вот он стоит перед ней, едва ли не угрожает, и как же он при этом красив!

– А если я не позвоню?

– Я разыщу тебя.

– Я так не хочу, – ответила она серьезно и не улыбнулась, когда он заговорил:

– Я ни за что не поверю, что ты этого не хочешь. Прошло много времени, и мы не можем просто так... Мариэлла, я не могу позволить тебе просто так уйти. И не позволю. Извини.

В его лице угадывалось безрассудное отчаяние, странная, почти безнадежная решимость.

– Я знаю.

Она взяла его под руку, и они вышли из собора, и в эту же самую секунду шофер Малкольма прошел в боковую дверь. Этот час он провел в соборе, наблюдая за ними. Сегодня у него нашлось развлечение. Впрочем, открытие его не очень удивило. У Малкольма тоже была своя жизнь, а она – красивая молодая женщина. Красивая, и боится чего-то, это ему известно. Всех боится, в первую очередь собственного мужа. Интересно, кому из них стоит рассказать о своих наблюдениях – самой миссис Паттерсон? Или сначала ее супругу?

Чарльз и Мариэлла медленно спускались по ступенькам, она держала его под руку, а он прижимал ее к себе.

– Если не хочешь встречаться, не буду тебя принуждать, но только я хотел бы увидеть тебя еще раз перед отъездом.

– Зачем тебе?

Она посмотрела ему прямо в глаза, а он ответил так, как он только и мог ответить:

– Затем, что я все еще люблю тебя.

Она отвернулась. В глазах ее стояли слезы. Она не хотела его любить, не хотела, чтобы он ее любил, зачем ей эти воспоминания, терзания, эта боль. Она опять подняла глаза.

– Я не смогу тебе звонить.

– Все ты сможешь, стоит только захотеть. И вообще, делай что хочешь, все равно я... Тебе, наверное, трудно...

Он оглянулся на собор, потому что опять вспомнил, какой сегодня день и почему они здесь, потом опять посмотрел на нее. В глазах у него слезы, у нее тоже. Она с усилием кивнула.

– Да, все так же трудно. Ничто никуда не делось.

Да и не денется, она это сейчас поняла. С этим придется жить дальше, с этой непрекращающейся болью. И опять она посмотрела на него.

– Ты меня прости... – Эти слова она хотела ему сказать давным-давно, сказала только теперь, но какая разница?

Он покачал головой, еще раз запахнул поплотнее шубу и наконец отпустил. Взглянул в последний раз на нее и пошел не прощаясь своей дорогой, вверх по Пятой авеню. Не мог он с ней проститься. Она долго-долго смотрела на него, а шофер уже открыл дверцу машины.

Прошло несколько минут, Мариэлла уже сидела и думала про Чарльза... о давно ушедшей жизни, которой не будет больше... об Андре. Машина ехала по направлению к дому.

Глава 2

Патрик, шофер Малкольма Паттерсона, поехал от собора по Пятой авеню, но Мариэлла не увидела Чарльза по дороге. Они без приключений доехали до 64-й улицы, до дома, в котором Мариэлла прожила с Малкольмом шесть лет. Дом располагался между Мэдисон-авеню и Пятой авеню. Это был очень красивый дом. Но для Мариэллы он так и не стал родным. Хозяином в нем был только Малкольм. С самого начала силы стали изменять ей в этом доме. Дом был прекрасно оборудован, обслуживал его немолодой штат прислуги. Этот дом принадлежал еще отцу Малкольма. Малкольм относился к дому почти как к памятнику покойным родителям. Повсюду попадались бесценные для него реликвии. Сам Малкольм мало что изменил в доме, разве что привозил сувениры, он всегда много путешествовал. Иногда Мариэлла чувствовала себя музейным экспонатом, который можно обозревать, но трогать его руками не полагается. Это как кукла, которую ставят в шкаф, все ею восторгаются, но играть с ней не дают никому. Слуги почти всегда обращались с ней почтительно, но неизменно давали понять, что работают они не у нее, а у ее мужа. Многие из них служили в доме давно, и Мариэлла чувствовала, что почти не знает их, хотя прожила с ними шесть лет под одной крышей. Малкольм всегда требовал, чтобы она соблюдала дистанцию со слугами. Она так и делала. Во взаимоотношениях слуг с миссис Паттерсон не было тепла. С самого начала Малкольм не позволял ей менять уклад дома. Дом по-прежнему безраздельно принадлежал ему, все в доме делалось согласно его желаниям, и, если бы ее распоряжения разошлись бы с требованиями Малкольма, ее мнение попросту проигнорировали бы. Всех слуг Малкольм нанимал сам, по большей части в Англии, Ирландии и Германии. Ему почему-то чрезвычайно нравилось все немецкое. В молодости он учился в Гейдельбергском университете и знал немецкий язык превосходно.

Мариэлла предполагала, что прислуга не относится к ней как к полноправной хозяйке оттого, что в свое время она сама работала у Малкольма. Вернувшись в 1932 году из Европы, она не смогла найти работу. Еще не было видно конца Великой депрессии, без работы оставались даже мужчины с хорошими дипломами, а у нее не было абсолютно никакой профессиональной подготовки. Ей раньше не приходилось устраиваться на работу, а родители не оставили практически ничего. Ее отец разорился в двадцать девятом во время всеобщего краха, это и ускорило его конец. Он был слишком стар, чтобы начать все сначала. Вскоре ему отказало сердце, но еще раньше сломался его дух. У его вдовы ничего не осталось, всего несколько сот долларов, через полгода она умерла. Тогда Мариэлла еще была в Европе, и Чарльз занялся продажей дома, чтобы она смогла выплатить долги. Она была очень больна тогда и не могла сама о себе позаботиться, а когда она неожиданно появилась в Нью-Йорке, у нее не было ничего, не было даже квартиры. Она остановилась в гостинице в Ист-Сайде и немедленно начала искать работу. В кармане у нее лежали две тысячи долларов, взятые займы у Чарльза. Она не позволила ему дать ей больше. Она осталась совершенно одна. Малкольм спас ее в самом прямом смысле слова. До сих пор она глубоко признательна ему за это и никогда не забудет его доброту.

Стоял холодный февральский день, когда она вошла в его кабинет, и его приветливая улыбка показалась ей лучом солнечного света, пронизавшим окружающий мрак. Она пришла к нему, потому что знала его как друга отца, потому что надеялась, что он подскажет ей что-нибудь насчет работы – может, кому-нибудь нужна компаньонка, знающая французский язык. Она умела только рисовать и говорить по-французски, причем не рисовала уже давно. Навыков, необходимых для секретарши, у нее не было и в помине, но, поговорив с ней около часа, он принял ее на работу и даже оплатил гостиничные счета. Впоследствии

она сделала попытку вернуть ему деньги, но он не пожелал и слушать о них. Он представлял себе, в какой она ужасающей нужде, и ему было приятно оказать услугу.

Она быстро освоилась и стала исполнять работу помощницы старшего секретаря. Старшим секретарем была англичанка, которая Мариэлле не слишком симпатизировала, но держалась с ней корректно. Никто не удивился, когда некоторое время спустя Малкольм начал приглашать Мариэлла на ленч, а потом они часто и ужинали вместе. Время от времени он стал появляться с ней на всякого рода светских мероприятиях. И каждый раз Малкольм мягко предлагал ей купить новое платье, причем в том магазине, где он был знаком с администрацией. Сначала ее это смущало. Она не хотела сблизиться с ним, боялась поставить себя в ложное положение. Конечно, он был к ней добр, внимателен, неназойлив. Так, он никогда ничего не выпытывал о ее прошлой жизни, не спрашивал, почему она шесть лет провела в Европе и почему так внезапно вернулась. К ее удивлению, ей было с ним легко. Говорили они всегда о настоящем, о прошлом – никогда. Малкольм всегда был ровным, внимательным, а подчас и нежным. Ее первоначальное предубеждение по отношению к нему исчезло. Мариэлла с удивлением отмечала, что он никогда не позволял себе некорректных поступков. По-видимому, ему просто нравилось часто показываться в обществе с такой красивой женщиной, прекрасно одетой, причем в вещи, выбранные и купленные им. Иногда она скромничала сверх меры, даже опять как будто побаивалась его. Но он этого, вероятно, не замечал. С ним она чувствовала себя увереннее и спокойнее, чем прежде. Конечно, она была теперь совсем иной, но эти происшедшие с ней перемены помогли ей жить дальше.

Ее нигде и ни о чем не расспрашивали. Малкольм, представляя ее, лишь называл ее имя. Конечно, его знакомым хотелось знать, кто она такая, но вслух никто не позволял себе вопросов о том, чем она занималась раньше или почему у нее часто бывает такое печальное выражение лица. Она была просто красивой женщиной, а ее спутник хорошо известен в деловых кругах. С Малкольмом Мариэлла чувствовала себя в безопасности, он защищал ее ото всего на свете, именно защиту он и предложил ей в День благодарения², когда попросил ее выйти за него замуж. Защиту и заботу, пока он жив; Малкольм не преминул сделать эту оговорку, так как он гораздо старше и она наверняка переживет его. Он не пытался убедить ее в своей любви, но каким-то образом она чувствовала, что он ее действительно любит, он же такой добрый, внимательный, настоящий джентльмен. Большого она и не желала. Она не хотела идти на риск и, быть может, опять испытать страшное горе – ведь никто не застрахован от несчастий. А воспоминания о прежней жизни все еще причиняли ей боль. Как-то раз, когда они с Малкольмом обедали в ресторане, она попыталась честно рассказать ему, что в ее прошлом есть много горя и боли, но он перебил ее.

– У всякого человека, дорогая, есть прошлое, – улыбнулся Малкольм. – И, как бы то ни было, тебе двадцать четыре года, поэтому у тебя не может быть такого уж страшного прошлого.

Он был терпелив, и Мариэлла поняла, что может прийти к нему со всеми своими незаживающими ранами и найти у него утешение и защиту. Вот чего она хотела – не дома его, не богатства, не роскоши. Раньше он уже был дважды женат, и нашлись доброты, от которых она узнала, что щедрость его буквально не имеет границ. Но она нуждалась прежде всего в его участии, как в тихой гавани во время бури, где можно укрыться на всю жизнь. Он обещал ей именно такое убежище. Ему нетрудно было понять, насколько она боится страданий, хотя он и не подозревал, сколько ей уже пришлось пережить. Малкольм выставил единственное требование: чтобы она родила ему детей. В обоих предыдущих браках детей у Малкольма не было, теперь, когда ему сорок девять, Малкольм мечтал, чтобы у финансовой империи Паттерсонов появился наконец наследник. Основу его состояния составил сталь-

² День благодарения – национальный праздник США. Отмечается в последний четверг ноября.

ной бизнес. Несколько поколений его предков, возможно, использовали не самые легальные методы обогащения, но к моменту рождения Малкольма фамилия Паттерсон пользовалась уже огромным уважением в деловых кругах. И еще большее уважение эта фамилия приобрела благодаря деятельности самого Малкольма.

Сначала предложение Малкольма удивило Мариэллу, и на какое-то мгновение ей показалось, что он смеется над ней. Да, разумеется, бывали вместе в обществе, Малкольм был щедр и добр к ней, он любовался ею, но ведь он ее даже ни разу не поцеловал.

– Я... не знаю, что вам сказать... Вы серьезно?

Он спокойно улыбнулся и взял ее за руку. Ему понравилось, что она так ошарашена. Она все-таки казалась ему ребенком. Он осторожно поднес ее пальцы к губам и поцеловал.

– Конечно, серьезно, Мариэлла.

Глаза их встретились. Казалось, что он не жених, а скорее отец. Но именно это в нем и привлекало Мариэллу, более того, в этом-то она и нуждалась. Она прожила в Штатах немногим меньше года после возвращения, и у нее не было ни одного друга, кроме Малкольма.

– Будьте моей женой. Дорогая, я буду о вас заботиться. Обещаю вам. И если судьба пошлет нам детей, я буду благодарен вам до конца своих дней.

Она внимательно слушала его, и предложение казалось ей несколько странным. Больше похоже на деловое соглашение, чем на объяснение в любви. Ему нужны дети, ей – защита и покровительство. Он так и не сказал, что он ее любит, что он без ума от нее, и она не была в него по уши влюблена. С Чарльзом было совсем не так, но теперь ей нужно было именно это. И только одно пугало ее: мысль о детях. Она не знала, сможет ли решиться на это еще раз, но сказать ему о своих сомнениях она не осмелилась.

– А если детей не будет? – спросила она с беспокойством. Малкольм понял, что не знает чего-то очень важного о своей избраннице. А ведь ему казалось, что у этой юной женщины не может быть тайн в жизни.

– Тогда мы будем друзьями, – сказал он спокойно и дружелюбно взглянул на нее. Тогда она перестала колебаться, хотя и не понимала, зачем она ему в этом случае нужна, ведь на свете есть столько женщин, которые пошли бы на все, лишь бы заполучить его.

– Но почему именно я? Есть... много... других... – Не договорив, она покраснела. У нее не было ни денег, ни самостоятельного положения в обществе. Конечно, родители ее были солидными людьми, но они потеряли практически все свое состояние, и они оставили ее без гроша. Но его и это в ней привлекало. У невесты нет знакомых, родных, обязательств. Она принадлежит ему одному или по крайней мере будет принадлежать после свадьбы. И это хорошо. Малкольм Паттерсон любил обладать собственностью – домами, машинами, картинами, антикварными вещами... И Мариэлла теперь перейдет в его собственность; а если она родит ему ребенка, она окажется важнейшей собственностью. К тому же она скромна, без особых запросов – прекрасно. Она будет достойной женой и, может быть, станет когда-нибудь хорошей матерью.

– Наверное, я должен сказать, что люблю вас... – Оба они понимали, что он этого-то и не должен говорить. – Но я уверен, что для нас обоих это не так важно. – Оказывается, он все-таки хорошо ее знает, лучше, чем она предполагала. – Возможно, это вообще не имеет значения. Я думаю, нам пока не надо произносить таких слов. Потом, позже, мы обязательно полюбим друг друга, ведь так?

Она кивнула. Ее страх, смешанный с изумлением, еще не прошел.

– Так что же вы мне ответите? – Судя по всему, Малкольм не сомневался в ее согласии.

Одно мгновение она колебалась. Но только одно мгновение.

– Я... – Она посмотрела на него с тревогой. – Но вы уверены?..

Она боялась за него даже больше, чем за себя. Что, если она принесет ему одно разочарование? Что, если... если она не сможет остаться и с ним? Прошедший год был тревож-

ным. Через две недели после ее возвращения в Штаты все газеты сообщили, что похищен сын знаменитого летчика Линдберга, и это сообщение поначалу просто парализовало ее. А в мае, когда весь мир узнал, что ребенок погиб, Мариэллу стали неотступно преследовать кошмары, и мучительные воспоминания вернулись к ней ужасной явью. Тогда она несколько дней не вставала с постели, говоря, что у нее грипп. На самом деле она была просто не в состоянии что-либо делать. В конце концов она, охваченная паникой, позвонила в Швейцарию, и врач, который когда-то лечил ее, сумел ее успокоить. Но что, если... если Малкольм узнает?..

– Я не уверена, что вам... – Мариэлла опустила голову, потому что на глаза навернулись слезы. А ему вдруг захотелось обнять ее и немедленно овладеть ею. В этот момент она впервые внушила ему страсть, и он понял, что в самом деле сможет когда-нибудь полюбить эту женщину.

– Дорогая... прошу вас... станьте моей женой... Я все для вас сделаю...

Он умел говорить только таким языком. Она посмотрела на него и грустно улыбнулась.

– Мне ничего не нужно. Прошу вас только, будьте ко мне добры так, как были всегда. Вы были очень добры. Я этого недостойна.

– Неправда. Вы заслуживаете гораздо больше, чем я могу вам дать. Вы заслуживаете молодого красивого мужа, который любил бы вас до безумия, с которым вы могли бы танцевать, путешествовать, смеяться. А вам достается старик, которого, может быть, вам придется возить в инвалидной коляске, когда вам будет всего сорок.

То, что он сказал, было нелепо, и она рассмеялась. Трудно было себе представить Малкольма расслабленным, дряхлым. Он был сильным, энергичным мужчиной и, несмотря на раннюю седину, выглядел лет на десять моложе своего истинного возраста. Седые волосы только придавали значительности его облику.

– Итак, я сказал вам, какое вас ожидает будущее. Примете ли вы теперь мое предложение?

Снова их глаза встретились, и она кивнула, едва заметно. Она почувствовала, что не может смотреть на него, потому что у нее перехватывает дыхание. Тогда он взял обе ее руки в свои и притянул к себе. Она смотрела на него, и слезы опять подступали к глазам. Она очень хотела сделать ему столько же добра, сколько он ей сделал, хотела обещать ему все-все, но это было, конечно, невозможно. Тогда она дала себе клятву, что никогда не причинит ему горя.

На церемонии присутствовало немного людей. Они зарегистрировали брак в первый день нового года. После церемонии судья, старый друг Малкольма, приехал к нему домой. На торжество были приглашены еще пятеро друзей Малкольма. У Мариэллы не осталось друзей в Нью-Йорке. Единственными ее знакомыми были женщины, с которыми она вместе работала. Но теперь они уже никак не могли быть ее подругами. Счастливый конец сказки о Золушке не растрогал их. Каждая из них мечтала, чтобы ей улыбнулась судьба, а Мариэлле повезло больше. Впрочем, им-то Малкольм был нужен совсем по другим причинам. Они хотели денег, Мариэлла искала защиты.

К свадьбе был заказан атласный бежевый костюм и такого же цвета шляпа. Никогда Мариэлла не была так красива, как в день свадьбы. Ее густые каштановые волосы были собраны в тяжелый узел, ее прекрасные голубые глаза светились радостью и волнением. Когда судья объявил их мужем и женой, Мариэлла заплакала, и весь день она не отходила от Малкольма, как будто боялась, что стоит ей отойти, как злой дух разлучит их.

Они провели медовый месяц на небольшом острове в Карибском море неподалеку от Антигуа. Остров был частным владением одного друга Малкольма, там имелся роскошный дом, яхта и целая армия вышколенных слуг. Там молодоженам было хорошо, и Мариэлла почувствовала, что ее привязанность к Малкольму становится глубже и прочнее. Его посто-

янное внимание трогало ее настолько, что она не могла выразить этого словами. А он обращался с ней мудро и бережно. Он страстно мечтал о ребенке, но никогда не позволял себе открыто выражать нетерпение. В течение всего медового месяца он изучал ее, искал способы доставить ей удовольствие. Он был опытен, и ей нравилось ложиться с ним в постель, но для обоих не составляло секрета отсутствие чего-то существенного в их отношениях. Тем не менее им было хорошо вместе.

Прожив на острове три недели, они вернулись в Нью-Йорк, и Мариэлла уверенно переступила порог его дома, вошла в его дом той легкой походкой, которую, казалось, утратила навсегда. Но дома реальная жизнь вступала в свои права. И в этой жизни для Мариэллы было немало сложностей. Ей предстояло жить в *его* доме, постоянно общаться с *его* друзьями, *его* прислугой, исполнять *его* желания. Почти все слуги считали ее удачливой охотницей за богатством и обращались с ней как с нежеланной гостьей. Они знали, что совсем недавно она была всего-навсего помощницей его секретарши, и это подогревало их ненависть. На ее распоряжения не обращали внимания, над ее приказами смеялись за ее спиной, ее личные вещи исчезали или портились, разумеется «случайно», а когда она наконец решилась обратиться на это внимание Малкольма, он отнесся к ее жалобам настолько благодушно, что она расстроилась еще больше. Он сказал, что надо дать «его людям» время, и они привыкнут к ней, а потом и полюбят ее не меньше, чем любит он сам.

Вернувшись в Нью-Йорк, Малкольм вплотную занялся делами. Большую часть времени он проводил на работе, следовательно, вел свою жизнь, и Мариэлла сразу оказалась страшно одинока. Малкольму по-прежнему нравилось появляться с ней в обществе, он был по-прежнему добр к ней, но ей стало вполне ясно, что она не станет его неразлучной спутницей. Даже спальня у нее была отдельная – Малкольм объяснил, что ему нередко случается засиживаться допоздна, читать бумаги, звонить по телефону в Европу, и в таких случаях ему необходимо уединение, и к тому же он не хотел бы мешать ей отдыхать. Она предложила ему перенести кабинет в соседнюю с общей спальней комнату, но он твердо стоял на том, что перемен в доме не будет. Так и вышло. В жизненном укладе Малкольма после женитьбы не изменилось ничего, разве что они стали появляться в обществе вдвоем чуть чаще. И несмотря на его неизменную доброту, она то и дело ощущала, что она по-прежнему – не более чем часть персонала его фирмы.

Теперь у нее был постоянный доход, который в начале каждого месяца поступал на ее счет, и муж всегда убеждал ее, что она свободно может покупать в магазинах все, что ей нравится. Но слуги-то оставались его слугами, и дом выглядел в точности так же, как до ее прихода, окружали ее только его друзья, и в деловые поездки Малкольм по-прежнему брал с собой секретаршу. Пожалуй, Мариэлла раньше, будучи помощницей секретаря, даже чаще сопровождала его в подобных поездках. Мариэлла могла бы даже возненавидеть новую секретаршу, которая ездила теперь с Малкольмом, если бы ей не понравилась с первого взгляда эта девушка, хорошенькая немка. Ее звали Бригитта, ее родители жили в Берлине. Репутация ее была безупречна, и она относилась к Мариэлле с должным уважением. У Бригитты были пепельно-белые волосы. Ногти она красила ярко-красным лаком. У нее были отличные манеры, и она знала свое дело. Но мало того, она действительно хорошо относилась к Мариэлле, и две молодые женщины почти подружились. Другие сотрудницы офиса завидовали теперь Бригитте, как когда-то завидовали Мариэлле, и миссис Паттерсон не раз замечала на их лицах гримасы, несомненно относящиеся к Бригитте. Мариэлла даже жалела девушку. Бригитта всегда вела себя предупредительно, и, если Мариэлла звонила по какому-нибудь делу в офис, Бригитта каждый раз старалась ей помочь. Когда стало известно, что Мариэлла беременна, Бригитта стала посылать ей очень милые маленькие подарки для будущего младенца. Она даже связала ему одеяльце и пару кофточек, что очень тронуло Малкольма.

Впрочем, сам он почти не замечал Бригитту. У него были свои заботы – бизнес, командировки, жена, а в скором времени должен был появиться долгожданный сын.

Мариэлла нисколько не сомневалась, что забеременеет быстро. Она знала это из собственного опыта и была удивлена, когда через несколько месяцев брака ничего не произошло. Когда прошло полгода, Малкольм настойчиво порекомендовал ей обратиться к известному гинекологу. Он сам отвез ее в Бостон, поместил в клинику и оставил на несколько часов под наблюдением опытных специалистов. К концу дня врачи пришли к заключению, что у Мариэллы нет проблем гинекологического порядка, и мистеру и миссис Паттерсон не следует расставаться с надеждой. Врачи уверили Малкольма, что беременность его супруги – вопрос времени, и дали несколько советов, которые вогнали Мариэлла в краску, но Малкольм твердо решил, что этим советам надо последовать.

Прошло еще шесть месяцев, советы врачей не принесли желаемого результата, и супруги по-настоящему забеспокоились. Каждый месяц, убедившись, что беременность так и не наступила, Мариэлла впадала в состояние, близкое к истерике. От нервного напряжения возобновились головные боли. Тогда-то она обратилась за консультацией к своему личному врачу. Ничего нового врач посоветовать не смог, и тогда он очень осторожно намекнул, что есть женщины, попросту не созданные для материнства. Он уже встречался с подобными случаями, когда молодые, здоровые женщины, не имеющие никаких женских заболеваний, выполняют все предписания врача, а зачатия не происходит. В этом никто не виноват, но...

– Бывает, – сказал он, понижая голос, – что богу зачатие не угодно.

– Это не мой случай, – робко произнесла она, опасаясь поднять глаза на доктора. Мариэлла ни о чем не рассказывала Малкольму, тем более не стала бы говорить теперь, когда она, по всей видимости, не могла зачать от него ребенка.

– У вас уже были беременности? – спросил врач. Опытный врач и сам знал ответ на свой вопрос – осмотр не оставил сомнений на этот счет. Но если женщина так старательно пытается сохранить свою тайну, он не вправе вынуждать ее к откровенности. Мариэлле необходимо было рассказать о своих проблемах, и ей показалось, что именно этому человеку можно доверить свой секрет. К нему она обратилась сама, старый врач был одним из немногих ее знакомых, кто никак не был связан с Малкольмом.

– Да, – кивнула она.

– Аборты?

Важный для диагностики вопрос. Бывает, что женщина вынуждена прибегать к подпольным абортam. И часто бывает, что в таких случаях она лишается возможности когда-либо иметь детей. Хорошо еще, если она останется в живых, побывав в руках этих «специалистов», которые занимаются нелегальными абортamи.

– Нет.

– Понятно... – Врач сочувственно кивнул. – Вы потеряли ребенка.

– Нет, – начала она, и вдруг голос ее задрожал: – То есть да... Ребенок был... потом умер...

– Мне очень жаль, поверьте.

Мариэлла наконец рассказала врачу все, расплакалась, потом долго успокаивалась и через два часа, выходя из его кабинета, она чувствовала облегчение. Как будто сбросила тяжкий груз с плеч. Он вдохнул в нее силы, сказав, что не сомневается – она обязательно будет иметь детей.

Он оказался прав. Прошло два месяца, и Мариэлла обнаружила с удивлением и радостью, что она ждет ребенка. А она-то уж думала, что это никогда не произойдет, и даже задавала себе вопрос, не предложить ли Малкольму развод, раз она не в состоянии исполнить его желание и подарить ему ребенка. И вдруг во мраке блеснул свет, и вот уже Малкольм, обрадованный, признательный, сидит около нее. Как только он узнал, что станет отцом, он

засыпал Мариэлле драгоценностями и самыми разными подарками, стал приходить домой к ленчу, чтобы узнать, как она себя чувствует, обращаться с ней как с самым ценным и хрупким бриллиантом на свете и ежеминутно строить планы относительно будущего малыша. Несомненно, он ждал именно сына, но был готов радоваться и рождению дочери.

– Пускай родится девочка, потом обязательно будет сын, – возбужденно говорил он, а Мариэлла смеялась. К тому времени живот ее значительно округлился, она стала плохо и беспокойно спать, побаивалась того, что будет дальше. Но в то же время она словно помолодела, и боль прошлого отступила на второй план перед новой жизнью, зарождавшейся в ней. Она часами сидела в своей комнате, прислушиваясь к движениям ребенка в животе и ожидая того момента, когда она сможет взять его на руки. Мариэлла знала, что пустоту, мучившую ее все эти годы, может заполнить только новый ребенок. Она повторяла себе самой, что родится уже не Андре, что это будет совсем другой малыш. Андре не вернется... Все равно, сын будет или дочь, Мариэлла примет ребенка всем сердцем, и Малкольм тоже.

Малкольм велел всем в доме всячески заботиться о Мариэлле, исполнять любую ее прихоть, заставлять ее правильно и регулярно питаться, оберегать ее, чтобы она не споткнулась, не упала, не переутомилась. Правда, слуги не так радостно восприняли ее беременность, как сам Малкольм. Они увидели возможность причинять ей новые мелкие неприятности. Особенно домоправительница, которая прожила в доме уже двадцать лет, пережила недолгое владычество обеих предыдущих жен Малкольма и относилась к Мариэлле как к нахальной особе, которая вторглась в чужой дом и которую рано или поздно можно будет спровадить. Перспектива рождения ребенка как бы укрепляла позиции Мариэллы, так что ее «домашние» недоброжелатели не радовались, а, наоборот, досадовали больше прежнего. Домоправительницу, горничных, шофера Патрика, ирландца, которого Мариэлла невзлюбила с первой встречи, даже повариху раздражала необходимость выполнять капризы Мариэллы, например, специально заваривать для нее чай, когда у нее болела голова. Головные боли Мариэллы рассматривались как проявления слабости, и слуги часто позволяли себе высказывания на этот счет. Даже нянька, которую Малкольм нанял для будущего ребенка, казалось, относилась к Мариэлле как к низшему существу. Это была англичанка с каменным лицом и с сердцем, по-видимому, из того же материала. Малькольм привез ее из одной из своих многочисленных заграничных командировок. Трудно было себе представить, что эта женщина способна нежно относиться к новорожденному. Когда она приехала (это случилось за месяц до предполагаемого рождения ребенка), Мариэлла пришла от нее в ужас.

– Малкольм, ей бы быть надзирательницей в тюрьме. Как можно ей доверить ребенка? – спрашивала Мариэлла, хотя на языке у нее вертелось другое: а зачем она вообще нам нужна? Об Андре Мариэлла заботилась сама, но воспоминания о том времени были слишком мучительны, так что она не спорила с Малкольмом всерьез. – Я могу и сама ухаживать за ребенком.

Но он только рассмеялся в ответ. Ему словно нравилось, что она не умеет защитить себя ни перед кем.

– Когда родится ребенок, ты будешь истощена. Тебе понадобится отдых. Мисс Гриффин сделает все, что нужно. У нее прекрасные рекомендации, есть опыт работы в детской больнице. Нам нужна именно такая няня. Ты, надо полагать, сама еще не знаешь, что тебе понадобится. Вот увидишь, с детьми совсем не так просто нянчиться, как тебе кажется.

Она-то знала наверняка, что с детьми проще, чем кажется ему, но сказать не могла. В восемнадцать лет у нее родился ребенок, с которым она управлялась без всяких помощников.

Мисс Гриффин начала с того, что заявила, будто головные боли Мариэллы являются признаком того, что организм матери серьезно ослаблен. Похоже было, что она хочет пристыдить самую боль, но голова болела слишком сильно, Мариэлле в такие минуты могли вылечить только темная комната и тишина. Для возникновения ее головных болей могли

найти тысячи причин. Напряжение, беспокойство, спор с Малкольмом, грубость горничной, простуда, инфекция, просто вечерняя усталость, жирная пища, даже стакан вина. Головные боли были настоящей пыткой для Мариэллы, ей постоянно приходилось извиняться, как будто бы они в самом деле были лишь ее капризом, как намекнула мисс Гриффин.

Только один человек из прислуги был добр к Мариэлле – Хейверфорд, старый дворецкий, англичанин. Он никогда не был назойлив, но держался неизменно любезно. Мариэлла любила его общество. В отличие от него мисс Гриффин с первых же дней постаралась завоевать особое доверие Малкольма, который нанял ее сам. И вскоре для нее, как и для прочих, Мариэлла стала нежеланной гостьей в собственном доме. Англичанка стала относиться к Мариэлле как к необходимому, но малоприятному устройству для производства детей. В конце концов Мариэлла начала не на шутку бояться мисс Гриффин. Ей хотелось, чтобы сейчас с ней были люди, которые любят ее, и она невольно вспоминала недели перед рождением Андре, когда рядом с ней был Чарльз. Часто она ложилась спать в слезах. Малкольм замечал это и каждый раз бывал удивлен и огорчен.

– Ты сейчас слишком чувствительна. Постарайся не принимать все так близко к сердцу, – попытался успокоить ее Малкольм. Но, поговорив с мисс Гриффин, он решил, что Мариэлла просто не в себе. Похоже было, ей постоянно хотелось плакать. Особенно сильно Мариэлла расстроилась в тот день, когда пришла в офис и встретила Бригитту. Она показала себе такой толстой и уродливой по сравнению с секретаршей, что три дня подряд наотрез отказывалась сопровождать Малкольма на прием. Однако он был всегда терпелив и честно старался ее понять. Он видел, что к концу беременности Мариэлла была далеко не в лучшей форме. Она боялась, едва держала себя в руках. Малкольм старался помочь ей как мог. Мисс Гриффин объяснила ему, что некоторые женщины настолько боятся болевого шока при родах, что теряют голову при одной мысли о том, что им придется испытать. Эти слова подтверждали первоначальную теорию няньки, что молодой матери не хватает силы воли, более того, ей не хватает мужества.

Мариэлла хотела, чтобы ребенок с самых первых часов своей жизни находился дома, но Малкольм твердо стоял на том, что он должен появиться на свет в больнице, где на случай непредвиденных осложнений есть самое современное оборудование. Мариэлла чувствовала, что ей будет спокойнее, если ребенок родится дома, она боялась, что ребенка могут украсть или подменить, и даже призналась в этом Малкольму. В сентябре арестовали Бруно Ричарда Хауптмана за похищение сына Линдбергов, и сейчас похищение ребенка вновь делалось навязчивой идеей Мариэллы. Но Малкольм решил, что у нее просто расхотелись нервы, так как она была на седьмом месяце беременности. Для нее настали трудные времена, а истинной причины ее страхов не знал никто. Только ее лечащий врач догадывался, и при каждой встрече он пытался ее успокоить и убедить, что на этот раз все будет хорошо.

Накануне родов супруги Паттерсон были дома. Малкольм сидел в своей спальне и разбирал какие-то бумаги. Когда начались схватки, Мариэлла потерпела какое-то время, потом пошла к Малкольму. Едва увидев ее, он сразу же бросился вниз. Патрик отвез их обоих в больницу, и Малкольм оставался около жены до тех пор, пока врач не распорядился уложить ее на каталку и увезти куда-то, откуда она должна была вернуться уже матерью. Сознание ее было затуманено обезболивающими препаратами, и она бормотала что-то о том, как все было не так в Париже, обращая при этом к Малкольму. Врач улыбался ему, они обменивались понимающими мужскими взглядами – она перенеслась в воображаемый мир.

– У нее все должно пройти легко, – сказал врач, когда ее увезли. – Я скоро вернусь к вам.

Малкольм ободряюще улыбнулся и опустил в кресло. Он заранее заказал для жены две отдельные палаты. Часы пробили полночь. В четыре часа двадцать три минуты утра на свет появился Теодор Уитмен Паттерсон.

Мариэлла впервые увидела его как в дымке, когда доктор протянул его, завернутого в одеяло, к ней. У него было круглое розовое лицо, редкие светлые волосики, он удивленно смотрел на нее с таким выражением, как будто ожидал увидеть на ее месте кого-то другого, а потом издал громкий и долгий вопль. Все присутствующие заулыбались, а по щекам Мариэллы потекли слезы. Она-то думала, что его уже нет... Она так хорошо помнит его... Такая же круглая мордочка... удивленные глаза... только волосы были черные, как у Чарльза... черные, отливали сероватым блеском, как перья ворона... Это не он, но так похож на него! Она прижалась к нему щекой и ощутила какую-то древнюю, первобытную боль, и одновременно на нее накатила волна счастья, нежности, удовлетворения. Ребенка унесли, чтобы помыть и показать отцу. Мариэлла задремала, а врачи завершили последние процедуры.

Утром ее снова привезли в палату, где мирно похрапывал Малкольм, не дождавшийся ее возвращения. Около кровати на столике стояло серебряное ведро со льдом, а в нем бутылка шампанского. Он проснулся сразу же, как ее привезли в палату. Мариэлла была уже в сознании, по крайней мере по сравнению с тем моментом, когда ее отсюда увозили. Она проснулась. Она была измучена, но счастливее, чем когда-либо за все последние годы. И она была горда: наконец-то ей удалось реализовать мечту Малкольма и исполнить свою обязанность, предусмотренную соглашением.

Малкольм наклонился к ней, чтобы поцеловать в щеку. Глаза его слегка покраснели от усталости, но он светился от счастья. Мариэлла спросила:

– Ты видел его?

– Видел. – Теперь Малкольм тоже плакал. Об этом он мечтал так долго. – Он прекрасный, он так похож на тебя.

– Нет, не похож. – Она помотала головой, пытаясь удержать невозможные слова, уже готовые сорваться у нее с языка: он похож на Андре. – Он такой родной... Где он?

Внезапно испугавшись, она посмотрела на санитарку. А вдруг он уже умер... С ним что-то случилось... Если его украли...

– Скоро его принесут. Он сейчас спит.

– Хочу, чтобы он был здесь. Со мной.

Мариэлла беспокойно смотрела на мужа. Малкольм взял ее за руку.

– С ним все хорошо.

– Я знаю... просто я хочу его видеть...

Теперь она не будет сводить с него глаз, не отпустит его от себя... никогда... Никогда не позволит, чтобы это опять случилось... Она огляделась по сторонам в поисках ребенка и не увидела его. Ее стал охватывать страх, и она испугалась, что сейчас разболится голова. Но вот все прошло, и Малкольм уже подносит к ее губам бокал с шампанским. Она только притворилась, что делает глоток. Наконец-то все закончилось, и даже действие лекарств, которые ей дали, уже проходит.

Потом ей принесли сына. Он спал, и она взяла его на руки и прижала к себе. Когда он проснулся, она расстегнула рубашку и дала ему грудь. Все так легко вернулось, как будто ничего и не было – ни горя, ни утраты, ни трагедии... ничего... С ней было вечное счастье материнства, и безмерная любовь к этому крохотному существу всецело поглотила ее.

Как зачарованный, Малкольм смотрел на Мариэлли и младенца и молчал, переполняемый восторгом и обожанием. Затем он уехал домой и мирно заснул в своей спальне с сознанием того, что отныне жизнь его полна, в ней нет недостатков. Какие бы сомнения ни одолевали его за последние два года, теперь он был рад, что женился на Мариэлле. Раз есть ребенок, значит, все было не зря.

* * *

...Мариэлла с усилием открыла тяжелую дубовую дверь и тихо вошла в дом. Она была очень серьезна. Сегодня она видела Чарльза. После долгих лет разлуки. Она была потрясена этой встречей и взволнована.

– Добрый вечер, мадам. – Дворецкий уже снимал с нее шубу. Рядом стояла горничная, на случай, если понадобится помощь. Увидев их, Мариэлла вздохнула. У нее был тяжелый день. Стянув перчатки, она положила их рядом с черной кожаной сумочкой. Она все еще чувствовала пронизывающий холод, царивший в соборе Святого Патрика.

– Добрый вечер, Хейверфорд, – сказала она старику дворецкому. – Мистер Паттерсон дома?

– Думаю, что нет, мадам.

Кивком она поблагодарила его и пошла к лестнице, не зная еще, поднимется ли она на третий этаж, в детскую, или пройдет к себе в спальню. Нередко случалось, что ей хотелось зайти к Тедди, а потом она решала, что не стоит. Поначалу она сама удивлялась своим противоречивым чувствам к сыну. Она сама не ожидала, что будет так безумно любить его, так обожать... гораздо больше, чем в первый раз... В восемнадцать лет она и не была способна на такую страстную любовь к ребенку. А потом не могла себе представить, что сможет так сильно полюбить кого-то другого. И в то же время она пряталась от него, держала свою огромную любовь глубоко в секрете. Слишком опасно позволить себе неограниченно полюбить его. Ведь если что-нибудь случится и на этот раз, она этого не переживет. Поэтому она заставляла себя быть с ним сдержанной, едва ли не равнодушной. Но порой ей не удавалось притворяться, и тогда она отчаянно нуждалась в нем, посреди ночи бежала босиком наверх, к нему, а потом стояла и смотрела, как он спит. Он был самым красивым ребенком на свете, она никого не видела красивее, он самый теплый, самый сладкий, родной, он лучше всех на свете. Он стал наградой за ее боль. Это бог вознаграждал ее за все ее потери. Только ради него она и будет жить.

Конечно, ее муж тоже очень любил сына, особенно ему импонировали смышленность ребенка и его легкий характер. И Малкольм, в отличие от Мариэллы, никогда не беспокоился понапрасну за безопасность сына. Он знал одно: Тедди – прекрасный, веселый ребенок, он приносит радость всем, кто его знает.

А еще у Малкольма появилось желание удвоить это счастье, и в течение года после рождения Тедди Малкольм надеялся, что Мариэлла снова забеременеет. Но все усилия опять были напрасны, а Тедди уже был, и Малкольм был теперь не столь настойчив. Не добившись успеха, он оставил усилия, и теперь они с Мариэлой спали в разных комнатах. Она как будто не возражала, и оба были вполне довольны жизнью. Мариэлле тридцать лет, у нее есть любимый сын, заботливый муж, далеко не у каждой женщины в этом возрасте все это есть, а у Малкольма появился наследник, о котором он так давно мечтал. Обоим достаточно того, что они имеют.

Теперь Мариэлла была спокойнее, чем прежде, и только вопрос о безопасности Тедди по-прежнему мучил ее. Она была готова защищать сына до последнего вдоха. Больше двух лет прошло с тех пор, как вымогатели убили сына Линдбергов, а Мариэлла все еще вела себя так, как если бы за каждым углом прятался похититель детей.

Малкольм был неизменно благодарен ей. Она прекрасно заботится о ребенке, она великолепная мать, хорошая жена, она родила ему такого ребенка, о каком он мечтал, – замечательного, умного, прелестного, светловолосого. Чего еще он мог хотеть в жизни?

Медленно поднимаясь по лестнице, Мариэлла все еще колебалась, идти ли наверх. Она чувствовала, что сейчас не в том настроении, чтобы выносить присутствие няньки, и ей

не хотелось тревожить Тедди, который был сейчас с мисс Гриффин. Но внезапно она услышала его голос. Его смех донесся из верхнего холла, и она невольно улыбнулась. Сегодня утром она уже видела его, так что следует приказывать себе успокоиться. Надо быть спокойнее, иначе он станет ее всепоглощающей страстью. Каждый раз она начинала снова эту бесконечную игру с собой, против себя, когда она не разрешала себе чего-то, запрещала себе проводить с ним целые дни, приходиться к нему каждый раз, как ей этого хотелось. Она знала, что надо сдерживать свою любовь к нему, иначе она сойдет с ума, если с ним что-то случится. Конечно, на самом деле сын уже прочно занял свое место в ее душе, его нельзя было оттуда вырвать. Но, ограничивая свое общение с ним, она полагала, что сохраняет свободу и независимость от него. К сожалению, в результате все остальное время ребенок бывал отдан во власть неукротимо заботливой мисс Гриффин. Малкольм настоял-таки, чтобы мисс Гриффин осталась с мальчиком, а Мариэлла и за четыре года не привыкла к ней. И мисс Гриффин по-прежнему относилась к Мариэлле как к ущербной женщине. Головные боли, нервы, вечная боязнь каких-то похитителей, зачем-то сдерживаемая и явно нездоровая страсть к ребенку, периодически скрываема под напускным равнодушием... Мисс Гриффин считала все это признаками неполноценной личности. Своими взглядами мисс Гриффин делилась с кем угодно каждый раз, как приходила на кухню. Лишь бы нашлись охотники послушать. Зато Малкольмом гувернантка восхищалась, Малкольма она уважала и о Малкольме втайне грезил. Она была старше миссис Паттерсон всего на четыре года и, будь судьба к ней немножечко благосклоннее, могла бы занять то место, которое занимала сейчас восторженная, нервная миссис Паттерсон, которая все еще толковала о похищении у Линдбергов, как, мол, это было ужасно, да где она сама была, когда услышала о том преступлении. Конечно, дело неприятное, но ведь шесть лет прошло, да у Линдбергов с тех пор двое сыновей появилось.

Довольно долго Мариэлла стояла в холле, прислушиваясь к смеху ребенка, улыбаясь, а потом, как будто какие-то невидимые духи увлекли ее, и она медленно прокралась по мраморным ступеням на третий этаж. Каблуки ее элегантных замшевых туфель громко застучали, когда она направилась к сыну. Подойдя к закрытой двери детской, она услышала, как он хохочет. Надо бы постучаться, она знала, что мисс Гриффин будет недовольна, если войти неожиданно, но ей нравились сюрпризы, поэтому она осторожно нажала на латунную ручку, и дверь медленно открылась. Малыш тут же обернулся, она увидела его золотые кудри и громадные голубые глаза. Узнав ее, мальчик расплылся в улыбке.

– Мамочка! – Он прямо полетел к ней в объятия, а она уже отвечала на его улыбку такой же счастливой улыбкой. Она подняла его и прижала к себе, а он уткнулся в ее шею и засопел. – От тебя хорошо пахнет!

Он всегда замечал ее духи. К тому же он всегда обращал внимание на то, как она выглядит, и она любила быть красивой в его глазах. Все остальные женщины, которых он знал, были так некрасивы, за исключением Бригитты, папиной секретарши, которая однажды пришла к ним в гости и подарила ему немецкие книжки и немецкие конфеты. Эта Бригитта говорила, что в Германии все самое лучшее, но мисс Гриффин потом сказала, что это неправда. Мисс Гриффин говорит, что на самом деле все самое лучшее в Англии.

– Как поживаете, мой прекрасный принц? – спросила Мариэлла, поцеловала его и опустила на пол. Гувернантка глядела на нее с неодобрением.

– Очень удачно, что вы зашли, миссис Паттерсон. Мы как раз собирались пить чай.

По правде говоря, Мариэлла считала, что Тедди не стоит пить чай, но для мисс Гриффин чай был священным ритуалом, и после некоторых колебаний Малкольм дал традиционному чаепитию свое верховное одобрение. Мариэлла же осталась при своем мнении, что молоко с печеньем полезнее, да и Тедди больше любил молоко.

– Добрый вечер, няня, – неуверенно улыбнулась Мариэлла. Она никогда не знала, как эта женщина примет ее, поэтому всегда испытывала неловкость в ее присутствии. Столько

лет спустя невозможно было что-либо доказать Малкольму, и временами Мариэлле казалось, что мисс Гриффин останется в доме навсегда. К тому же Тедди всего четыре года, и невозможно сказать, что он не нуждается в няне.

Горничная, заносчивая ирландка по имени Эдит, подала чай на три персоны. Мариэлла никогда не любила ее, но ее наняла домоправительница, и ее обожала мисс Гриффин. С шофером Эдит тоже была в дружбе. У нее крашенные рыжие волосы, развязные манеры, но белье Тедди и мисс Гриффин в образцовом порядке. Она всегда с интересом следила за гардеробом Мариэллы.

– Ну, и что ты сегодня делал? – спросила Мариэлла у Тедди с заговорщицким видом. Он очень серьезно посмотрел на нее и ответил:

– Играл. С Александром Уилсоном. У него есть поезд, – сообщил он самую главную новость, после чего стал подробно рассказывать, как устроена железная дорога, как нужно устанавливать мосты, деревни, вокзалы, почему поезд ездит и как бы ему хотелось получить такой поезд на день рождения. Странный месяц декабрь, столько счастья он принес Мариэлле и столько горя...

– Может быть, Санта-Клаус и принесет тебе поезд.

Сама-то она знала, что одну из комнат нижнего этажа уже отвели под железную дорогу, для которой Малкольм купил все необходимые атрибуты, а рабочие уже собрали ее там и установили декорации деревень и вокзалов, все в точности, как Тедди видел в этот день в доме Уилсонов.

– Я буду ждать. – Он посмотрел на нее задумчиво, а потом опять заулыбался и придвинулся чуть-чуть ближе. Он любил сидеть вот так, совсем рядом с ней, вдыхать запах ее духов, чувствовать у себя на щеке ее шелковые волосы, и тогда она принималась целовать его, совсем как тогда, когда увидела его в первый раз. Из всех людей, кого он знает, мама – самая замечательная, он любит ее больше всех на свете... даже больше, чем железную дорогу...

– А ты сделала что-нибудь хорошее? – Он всегда так серьезно спрашивал, как будто ему действительно было до этого дело. Малкольма и Бригитту он с таким же видом спрашивал, как дела на работе, и Малкольм всегда улыбался. А еще он всегда говорил, что Бригитта очень красивая, почти такая же красивая, как его мамочка, и девушке из Берлина это было приятно. Она вообще считала Тедди очаровательным малышом, и Мариэлла иногда разрешала ей сходить с ним в зоопарк, а один раз Бригитта показывала ему Эмпайр-стейт-билдинг³. Эта экскурсия привела Тедди в полный восторг. Вернувшись в тот день домой, он сказал даже, что любит Бригитту.

– Я сегодня ходила в церковь, – тихо ответила Мариэлла. Мисс Гриффин неотступно смотрела на нее. Тедди удивился, потому что обычно его тоже брали в церковь, а сегодня не взяли.

– А сегодня что, воскресенье?

– Нет, – улыбнулась она и подумала, будет ли она когда-нибудь в состоянии рассказать ему правду. Ей казалось, что пройдут годы, и она сможет наконец поговорить с ним откровенно. Может быть, потому что он – мужчина. Но она только добавила: – Но я все равно решила зайти в собор.

– Там хорошо?

Она кивнула. Там и вправду было хорошо... и грустно... Она увидела Чарльза, которого не видела много долгих лет. У нее не хватило духа сказать Чарльзу про Тедди. Это было бы несправедливо. Чарльз воевал с фашистами в Испании, рисковал жизнью, возможно даже, искал смерти, как искала когда-то она. Но теперь у нее был прелестный ребенок, луч

³ Эмпайр-стейт-билдинг – одна из достопримечательностей Нью-Йорка, высотное здание, насчитывающее более ста этажей. Построено в 1931 году.

надежды и света в ее пустой жизни. И сегодня, в этот особенный день, она не решилась рассказать Чарльзу, что у нее теперь есть ребенок. Она смогла сказать ему только про Малкольма. И она знала, что не будет ему звонить. Это невозможно... это безумие... Он остался в другой жизни...

– Я сходила в собор Святого Патрика. Знаешь, такая большая церковь, очень большая. Мы там уже были на Пасху.

Он серьезно кивнул.

– Я помню. А еще пойдём?

Она еще долго просидела с ним, болтая, обнимая его, потом почитала ему книжку. Наконец мисс Гриффин сказала, что пора купаться. Тедди умоляюще взглянул на мать:

– А ты останься. Пожалуйста!

Ей и самой этого хотелось больше всего на свете, но непреклонная мисс Гриффин не простит ей такого нарушения.

– Я могла бы сама его искупать, – робко предложила Мариэлла, хорошо зная, какая последует реакция. Мисс Гриффин не терпела вмешательства в ее дела.

– Спасибо, не нужно, миссис Паттерсон, – сказала мисс Гриффин, решительно поднимаясь из-за стола. – Теодор, поцелуй маму на ночь и скажи: «Спокойной ночи. Утром увидимся».

Мариэлла поняла намек.

– Но я хочу не утром. Я хочу сейчас.

«Я тоже хочу остаться сейчас, – хотела сказать Мариэлла. – Хочу сама выкупать тебя, приготовить тебе ужин, лечь с тобой в кровать, баюкать тебя, пока не заснешь, а потом целовать твои глазки, носик, щечки. Но никто мне этого не позволит. В детскую можно прийти в гости, попить чаю и попрощаться».

– Родной мой, завтра пойдём гулять в парк. Может быть, сходим к пруду, где лодки.

– Завтра Олденфилды приглашали на день рождения, миссис Паттерсон.

В самом деле, у них свои светские обязанности, а тут Мариэлла вмешивается...

– Значит, погуляем с утра.

Она решительно взглянула на мисс Гриффин, но бесполезно, эта всегда сделает по-своему, потому что Малкольм за нее и она это знает. Здесь, в детской, Мариэлла всякий раз ощущала такое бессилие, словно она вообще не существует и не существовала никогда. – Погуляем с утра! – Она ободряюще улыбнулась Тедди, но по его пухлым щекам уже потекли слезы. Утро – это не скоро, до утра еще слишком долго, долго для них обоих.

– Останься, пожалуйста!

Но в ответ она грустно покачала головой и на мгновение прижала ребенка к себе. Потом встала, стараясь казаться веселой, а его, плачущего, увели в ванную. Выходя, Мариэлла тихо закрыла за собой дверь. Ей всегда казалось, что уходить от него жестоко, им занимаются только чужие, даже не друзья, им и сама Мариэлла не осмеливается возражать. Ее привели в этот дом, чтобы она родила ребенка. Она выполнила свою миссию и теперь была не нужна. С этим трудно жить. Тяжело ощущать себя бесполезной и нежеланной. Нет, она все равно благодарна Малкольму и за эту жизнь, и еще за Тедди... Вот и все. Потому-то он так бесконечно ей дорог.

Думая о нем, она прошла к себе в комнату, переделась в длинное розовое атласное платье, подошла к зеркалу и долго и печально смотрела на свое отражение. Годы, несомненно, ее пощадили. Она дважды рожала, но фигура ее осталась стройной, как прежде, правда, лицо немного осунулось, черты стали резче, определеннее. По-настоящему выдавали ее боль только глаза, они говорили ясно, что Мариэлла прожила несколько жизней. Тут-то она обнаружила, что снова думает о Чарльзе, о том, что он всего в нескольких кварталах от их дома. В какую-то безумную секунду ей захотелось позвонить ему, но тут же Мариэлла поняла, что

этого делать нельзя. Им нечего сказать друг другу, только взаимные обвинения, оправдания, сожаления. Ответов на их вопросы нет и не будет.

Вскоре домой пришел Малкольм и сообщил ей, что вечером он приглашен на ужин к деловому партнеру. Это получилось неожиданно, поэтому он долго извинялся перед Мариэлла, целовал ее в макушку, а потом поспешил к себе в комнату переодеваться. Она попросила принести ей ужин в комнату. Некоторое время она механически перечитывала одну и ту же страницу книги, не понимая смысла, хотя честно старалась. Мысли ее были далеко от книги.

Воспоминания о Чарльзе завладели ею на весь вечер. Чарльз в Париже, храбрый, бешеный, молодой... В Венеции... Медовый месяц в Риме... Чарльз смеется... Ласкает ее... Они плавают в озере... Бегут куда-то... Потом – последние их недели... Швейцария... И вот – сегодня... Она уронила голову на руки и расплакалась. Воспоминания невыносимы.

Поздняя ночь, все в доме стихло. Мариэлла на цыпочках пробралась наверх, посмотреть на спящего ребенка. Опустилась на колени возле его кровати, поцеловала его бархатный лоб, потом так же тихо вернулась в свою одинокую спальню. Нестерпимо хотелось позвонить Чарльзу, но слишком многим она была обязана Малкольму и не могла его предать. Малкольм так много сделал для нее. Нельзя звонить Чарльзу, что бы она ни чувствовала... как бы ни любила его... Неважно, чего хочет сейчас Чарльз... Она знала, что ее жизнь с Чарльзом Делони закончилась, и закончилась навсегда.

Глава 3

На следующее утро Мариэлла вышла к завтраку в столовую. В последнее время это случалось довольно редко. Как правило, Мариэлла предпочитала завтракать у себя в комнате, но на этот раз она очень рано проснулась. Малкольм был уже в столовой, он пил кофе и читал утреннюю газету. Муссолини потребовал от Франции передачи Италии суверенитета над Корсикой и Тунисом.

– Доброе утро, дорогая, – сказал он, как всегда, любезно. Он всегда старался быть добрым, любил ей угождать. Каждый раз казалось, что он приятно удивлен, как будто в дом пришел гость, которому всегда рады, но не ожидали именно сегодня. – Как тебе спалось?

– Неважно, – откровенно ответила она. Она редко так отвечала. Обычно бывало проще дать такой ответ, на который он рассчитывал. Хорошо... спасибо... великолепно... Но сегодня она провела ночь в кошмарных снах.

– Наверное, опять голова разболелась?

Он отложил газету, чтобы посмотреть на нее. Выглядит хорошо. Даже лучше, чем вчера.

– Нет, просто долго не могла заснуть. Наверное, не надо пить столько кофе после ужина.

– Ужин надо запивать вином. Например, шампанским, – улыбнулся Малкольм. – Тогда будешь хорошо спать.

Она улыбнулась в ответ.

– Вечером будешь дома?

– Думаю, да. Посидим с тобой вдвоем у камина.

Слава богу, ведь начинается сплошное безумие, как всегда бывает накануне Рождества. На прошлой неделе пять званых ужинов подряд. Хоть бы эта неделя оказалась поспокойнее.

– А ты что сегодня будешь делать?

– Я думала с утра сходить с Тедди в парк.

Он понимал, у нее такая небогатая жизнь. Она редко куда-нибудь ходит, никогда не обедает с приятельницами. И хотя он знакомил ее со всеми своими друзьями, она до сих пор живет замкнуто. Слишком спокойная, размеренная жизнь для молодой женщины. Иногда он пытался повлиять на нее в этом отношении, она отговаривалась тем, что не хватает времени, а на самом деле ей не хватало храбрости. Что ж, ей лучше знать, почему она прячется от мира, будто какая-нибудь преступница.

– Я хотела сводить его на «Белоснежку». Как ты думаешь, ему не рано еще? – спросила Мариэлла.

Малкольм зашелестел газетой.

– Нет, почему же? По-моему, ему должно понравиться. Кстати, мне надо бы взглянуть, как там у них дела с железной дорогой. Они там внизу колдуют, как эльфы.

До Рождества оставалось двенадцать дней.

– А будет готово вовремя?

Мариэлла отлично знала, что будет, потому что Малкольм сам присматривал за работами, а он не терпит, когда работа не готова в срок.

– Очень надеюсь. Да, вот еще что. На следующей неделе я еду в Вашингтон. Хочешь, поедем вместе?

– Это опять к тем друзьям?

У Малкольма были очень важные друзья в Пентагоне, и он часто ездил к ним в Вашингтон.

– Да, – кивнул он. – Есть важное дело. А потом надо еще поговорить с немецким послом насчет нашего берлинского проекта.

– Так, значит, ты будешь очень занят.

– Да, но ты мне не помешаешь, скорее наоборот.

Но она-то знала, что у него не будет времени для нее. Хоть он искренне зовет ее, она будет ему обузой. А ей еще много нужно успеть до Рождества.

– Знаешь, я бы лучше осталась. Всякие приготовления к Рождеству... Ты не обидишься, если я не поеду?

– Нет, нет, что ты, дорогая. Как хочешь. Я скоро вернусь.

– Может, после Нового года?.. – сказала она, наполовину извиняясь, наполовину стараясь его смягчить, если он вдруг сердится. Она всегда боялась сделать что-нибудь не так, не угодить, расстроить его, не пойти с ним куда-нибудь, не сделать чего-нибудь, что обязательно нужно сделать. Где ей следует быть? В Вашингтоне с Малкольмом или дома с Тедди? За последние девять лет она привыкла, что это трудный вопрос, потому что, если сделаешь неверный выбор, это может стоить тебе всего, что у тебя есть в жизни. Этот урок она усвоила хорошо, потому что дорого за него заплатила. – Ничего?

– Прекрасно.

Малкольм умел успокоить ее.

Вскоре он поцеловал ее на прощание, а она пошла наверх переодеваться. Потом, как и обещала, она отправилась на прогулку с Тедди. Мисс Гриффин сделала попытку пойти с ними, но на сей раз Мариэлла проявила твердость и заявила, что Тедди хотел сегодня утром побыть только с ней. Выговорив это, она ощутила настоящую радость, а мисс Гриффин была настолько недовольна, что, спускаясь по лестнице, Тедди и Мариэлла услышали, как дверь детской выразительно хлопнула. Тедди засмеялся, Мариэлла, надевая на него пальто, тоже улыбнулась. В это время к Малкольму пришла Бригитта и остановилась на минутку поболтать с ними.

– Теодор, вы, надо полагать, в замечательное место направляетесь? – сказала она с легким немецким акцентом и обменялась с Мариэлкой смеющимся взглядом. Мариэлла не зря всегда чувствовала, что они с Бригиттой могли бы стать близкими подругами, если бы обстоятельства сложились по-иному. А так Малкольму вряд ли понравится, если Мариэлла станет заводить дружбу с его сотрудниками.

– Мы с мамой идем в парк, – гордо сообщил Тедди, глядя на Мариэллу. В его взгляде отражалась вся любовь, на которую он только был способен. Затем он заметил голубое платье Бригитты и внезапно заявил: – Бригги, у вас красивое платье. Вы очень-очень красивая.

Бригитта засмеялась и покраснела.

– Надеюсь, через двадцать лет вы сможете сказать мне то же самое, молодой человек.

Такое предположение заметно смутило Тедди, и обе женщины опять рассмеялись.

– Не обращайтесь внимания, ладно? Большое вам спасибо. Вы, должна вам сказать, тоже очень красивы. У вас новое пальто?

Он терпеть не мог это синее матросское пальто и шапку, которые купила мисс Гриффин.

– Нет, – Тедди решительно завертел головой, – оно старое. – Он опять посмотрел на маму, готова ли она. Она уже в шубе. Все, можно идти. Мариэлла улыбнулась ему, а он уже встал на цыпочки, пытаясь поцеловать Бригитту в щеку. Ему понравился легкий запах ее духов.

– До свидания, Теодор, – Бригитта помахала рукой, и Мариэлла вышла из дома, держа за руку Тедди, который обернулся и помахал Бригитте на прощание.

На улице было холодно, как и вчера, и Мариэлла решила, что надо попросить Патрика довести их до Пятой авеню, откуда рукой подать до пруда. По дороге от Пятой авеню до Центрального парка Мариэлла рассказывала Тедди о городе, в котором жила когда-то, – о

Париже. Малкольм любил рассказывать сыну о своих поездках в Берлин, а мисс Гриффин, как было известно Мариэлле, вечно пела ему в уши об Англии.

– Когда-нибудь мы с тобой поедem в Европу. Сядем на большой корабль, например, на «Нормандию»⁴... – говорила она, а он слушал, широко раскрыв глаза.

– А папа тоже поедет? – Мысль о морском путешествии завладела его воображением.

– Конечно. Мы все поедem.

Мариэлла любила путешествовать, но обязательно с сыном, ей было не по себе, если она оставляла его дома, отчасти поэтому она так редко сопровождала Малкольма в его деловых поездках. К счастью, он обычно не настаивал.

Они шли вперед, мать крепко держала сына за руку. Холодный ветер дул им в лицо. На лице Тедди отражалось напряженное раздумье. Нос у него покраснел, глаза Мариэллы слезились, но шубы, шапки, шарфы и варежки надежно защищали их от мороза.

– А вдруг папа будет занят? – с сомнением произнес Тедди. Мариэлле захотелось успокоить его:

– Нет, я уверена, что мы поедem вместе.

Ей хотелось, чтобы ее слова прозвучали убедительно, но Тедди был прав, Малкольм занят постоянно, особенно в последнее время.

– А если он не сможет поплыть с нами на корабле, мы с ним обязательно встретимся в Берлине! – убежденно сказал Тедди. Он был умен и все понимал правильно. Он даже сообщил, что у папы очень даже могут быть дела в Германии. Наверное, поэтому Малкольму так необходима Бригитта, поэтому она и работает у него уже шесть лет. Со времени своей женитьбы Малкольм, казалось, утроил размах сотрудничества с немцами.

– А может, мы и в Лондон съездим, – добавил Тедди, вспомнив про мисс Гриффин. – Увидим Биг-Бен, Тауэр... и Букингемский дворец... Короля!

По всей видимости, рассказы мисс Гриффин произвели на него глубокое впечатление. Мариэлла улыбалась.

Наконец они подошли к пруду, но лодок в этот день не было, потому что пруд был затянут тонкой коркой льда. Мариэлла почувствовала, как ее, непонятно почему, начинает бить дрожь. Она притянула сына к себе, словно желая защитить его от всяческого зла, и захотела сразу увести его от пруда.

– Сегодня тут никого нет. Пойдем посмотрим карусель.

Ее щеки побелели от холодного ветра.

– А я хотел лодки посмотреть, – разочарованно протянул Тедди.

– Видишь, сегодня лодок нет. – Мариэлла испугалась, но Тедди был пока слишком мал, чтобы заметить это. – Пойдем... пойдем отсюда.

– А по льду ходить можно? – спросил он. Его завораживала тонкая корочка льда на поверхности воды, но Мариэлла только сильнее потянула его прочь.

– Никогда, ни в коем случае ты не должен ходить по льду, Тедди, слышишь? – испуганно воскликнула она.

Он кивнул, удивленно глядя на встревоженную мать. И именно в этот момент Мариэлла посмотрела на противоположный берег пруда и тут же увидела его. Невозможно. Наверное, это воображение шутки шутит. Может быть, она все-таки сходит с ума. Может, увидеть лед на поверхности пруда – это слишком тяжелое испытание для ее рассудка. Она закрыла глаза, стараясь избавиться от видения, и снова открыла их.

– Тедди, пойдем домой. – Теперь в ее голосе звучал настоящий страх, а глаза перебежали с Тедди на человека, стоящего по другую сторону пруда. Она все еще не верила, что на самом деле видит его.

⁴ «Нормандия» – крупнейший трансатлантический лайнер тридцатых годов.

– Уже? – Мариэлла испугалась, что Тедди сейчас разревется. – Мы же только пришли! Не хочу домой! Пойдем на карусель!

– Прости... Мы поедем куда-нибудь... в зоопарк... Чаю попьем... Может, на каток...

Да куда угодно, лишь бы прочь отсюда. Она дрожала всем телом. Она старалась увести мальчика и видела, как тот мужчина побежал к ним вокруг пруда. Вот он уже совсем близко. Его черные волосы растрепались, глаза горят бешеным огнем, и Мариэлла с ужасом поняла, что ошибиться было невозможно. Тедди, увидев выражение ее лица, тоже перепугался. Мать всегда внушала ему некий смутный страх перед незнакомыми людьми, а этот человек был самым жутким из всех, кого ему доводилось видеть. Высокий, лохматый, он напал на них без предупреждения, схватил Мариэллу за плечи, посмотрел ей в глаза, а потом уставился на Тедди. Что ж, по крайней мере она не сошла с ума. Он не галлюцинация. Это действительно Чарльз. Она вдруг вспомнила, что дом Делони совсем рядом с прудом. Он тоже провел бессонную ночь, причем изрядно выпил и теперь вышел проветриться перед встречей с юристами.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он и перевел взгляд на мальчика. – Кто с тобой?

Лицо Тедди напоминало лицо Андре, и в то же время он был совершенно другой, в нем было что-то от ангела, такого сразу хотелось целовать, а если взглянуть на его лицо, нельзя сдержать улыбку.

– Это Тедди, – тихо произнесла она. Ее голос все еще дрожал.

– Какой Тедди? – допытывался он, и голос его звучал обвиняюще. Мариэлле показалось, что он не совсем еще протрезвел.

– Это Тедди Паттерсон. – Она наконец выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза. Нет, он ничего ей не сделает, не заставит ее опять почувствовать себя виноватой, не разрушит ее жизнь... Или разрушит? – Мой сын.

Тедди вцепился ей в руку. Он не понимал, кто этот человек. И на лице у него какие-то рубцы.

– Вчера ты мне этого не сказала. Ты рассказала только про Малкольма.

Он буравил ее глазами, на него было жутко смотреть, но она выдержала его взгляд. Она смелая, хотя Малкольм этого и не знает. Чарльз же всегда знал.

– Я подумала, что там об этом не стоило говорить.

– Почему? – Он опять обвинял ее. Он сердился. – Почему ты мне не сказала?

Она знала, каков он в гневе. Девять лет назад вот такой же его гнев едва не погубил ее.

– Я решила, что тебе будет больно узнать об этом.

– А сейчас?

Глаза его горели яростью. Их лица почти касались друг друга. Перепуганный Тедди готов был вот-вот закричать. Если бы он только мог защитить маму!

– А теперь уже мне не больно? – продолжал он, повышая голос. В самом деле, он был сильно пьян. Но она спокойна, она полностью владеет собой. С ней Тедди, и она не позволит Чарльзу причинить им с Тедди вред. Не имеет значения, что случилось тогда. Теперь она не боится его. Она ему не позволит.

– Я думаю, не стоит сейчас это обсуждать.

Выговорив эти слова, она прижала Тедди к себе и погладила его по лицу, чтобы он не боялся. Но Чарльза рассердил и этот жест. Он все еще смотрел так, как будто ему хотелось немедленно броситься в атаку. Она смотрела на него, и у нее дрожали колени. Чарльз явно терял самообладание.

– Почему у тебя ребенок? – почти заорал он, а она постаралась не вздрогнуть, чтобы Тедди не испугался снова. – А что есть у меня?

– Не знаю... Испанская война... Твои убеждения... Друзья... Ты писатель... Даже если у тебя нет ничего другого... Ты сделал свой выбор...

Ей очень не хотелось говорить при Тедди, но в то же время страшно было повернуться и уйти, оставив Чарльза в такой ярости. Она сжала руку сына, желая вселить в него мужество.

– Выбор сделала ты семь лет назад, когда ушла от меня, – выпалил Чарльз. – Выбор за меня сделала ты. У нас могли быть еще дети.

– Нам надо идти... – Она уже почти плакала, а Тедди недоуменно смотрел на них обоих. Вдруг она снова заговорила, теперь уже гораздо мягче: – Ну как бы мы жили с тобой? Ты ненавидел меня, и ты был прав, я себя сама ненавидела... Наверное, я никогда не смогу себе простить... Чарльз, я не могла этого вынести. Я не могла бы смотреть тебе в глаза, зная, что ты думаешь обо мне.

Семь лет назад, еще в Европе, она говорила ему то же самое.

– Я говорил тебе, что хочу, чтобы ты вернулась, – упрямо пробормотал он.

– Тогда было уже поздно. – Она перевела дыхание и смахнула слезы с глаз, на секунду выпустив руку Тедди. – По-моему, ты обвинял бы меня всю жизнь, как я сама себя обвиняю.

Она все еще любила его, но после всего случившегося была не в состоянии с ним оставаться.

Чарльз опять посмотрел вниз, на Тедди, как будто никак не мог поверить в его существование. Очень красивый ребенок, может быть, даже красивей, чем Андре. Потом Чарльз перевел взгляд на Мариэллу. Ему хотелось сделать ей больно.

– Ты этого не заслужила, – громко выговорил он, борясь с постыдным желанием ударить ее. Почему она снова вышла замуж? Почему родила этого ребенка? Боже, да почему она ушла от него? Оба они знали ответы на эти вопросы. – Ты не заслужила его, – кивнул он на Тедди. Мариэлла помнила эту жестокость, сейчас снова зазвучавшую в его голосе. Он умел быть жестоким. Увы, это обратная сторона его страстной любви. Его жестокость много лет назад едва не уничтожила ее.

– Наверное, ты прав.

– Тебе не надо было уходить.

– У меня не было выбора. Если бы я осталась с тобой, ты бы убил меня.

Он знал, что это тоже правда. Оба они понимали, что на какое-то время потеряли рассудок. Она – когда пыталась покончить с собой, он – в тот вечер, когда узнал, что случилось непоправимое. Но правда и то, что оба глубоко страдали.

– Может быть, нам всем лучше было умереть тогда.

В его глазах стояли слезы. Тедди прижимался к матери.

– Ты говоришь страшные вещи.

– Для тебя, наверное. У тебя теперь есть жизнь... Муж... Ребенок... И за что тебе все это? Почему, черт тебя побери, когда я каждое утро просыпаюсь, думая о нем... и о тебе... Я все время жалею, что не умер тогда, с ним вместе. А ты о нем вспоминаешь? Ты его хоть помнишь? Или для тебя уже все забыто? – Он говорил, а в ее глазах загоралась обида. Чарльз ничего не знал о боли и страданиях, о том, что она сама перенесла за эти годы.

– Да как ты смеешь? Я помню об этом каждый день. Часа не проходит, чтобы я не вспоминала о нем... Когда я закрываю глаза, передо мной стоит его лицо... И твое... – Вот и прошлой ночью, когда она лежала без сна, вспоминала и боролась с собой, заставляя себя не вспоминать, перед ней стояли их лица. – Но его ничто не вернет, как бы мы ни мучили друг друга, его все равно уже нет... Для него наступил покой... Нам тоже нужен теперь покой.

– Без тебя мне не видать покоя.

Он был зол на нее, но теперь он помолодел, и она смогла улыбнуться ему, покачивая головой. Хотя он старше ее, она в чем-то намного взрослее. Он – все еще мальчишка, его жизнь застопорилась, он не вырос, не залечил свои раны, он остался таким же, каким был,

такие же творит глупости, как и тогда, разыгрывает бездомного эмигранта, лезет в чужие войны. А может быть, он подсознательно не хотел взрослеть.

– Глупо так говорить, Чарльз. Ты ведь даже не знаешь, какая я теперь. Может быть, ты и тогда меня не знал. Может быть, все наши беды могли бы умереть естественной смертью, – сказала она, поглядела на Тедди, улыбнулась ему, обняла. – Тедди, это мой старый друг. Его зовут Чарльз, иногда он странно себя ведет, но он хороший человек. Познакомься с ним.

Тедди отрицательно замотал головой и зарылся в складки ее шубы. Чарльз и Мариэлла говорили при нем чересчур свободно, но ведь ему всего четыре года, и многого он не запомнит. Их интонации, гнев, страсть обязательно западут ему в душу, но вся история для него пока слишком сложна.

– Прошу прощения, если напугал его.

Казалось, он раскаивался, но все еще был похож на безумца. Он не брился со вчерашнего утра, и это придавало ему еще более дикий вид.

– Ладно. Да что с тобой?

Он посмотрел на Мариэлла, потом на мальчика, потом опять на Мариэлла, и лед в его глазах не растаял. Теперь он внушал даже еще больший страх, он казался настоящим алкоголиком. Впервые она поняла, что такое истинный ужас. Она вспомнила худшие времена, когда Чарльз сделался чужим для нее.

– Он должен быть моим. У меня есть все права... он должен...

Чарльз сверлил Тедди тяжелым взглядом, а мальчик прятал лицо в маминой шубе. Мариэлла твердо смотрела на Чарльза.

– Чарльз, но он не твой.

– Да какое ты имеешь право... как ты могла... рожать ребенка без меня?

Злоба его все росла.

– Ты согласился на развод. Я была свободна решать, – сопротивлялась Мариэлла.

– Ты сказала, что, если я на развод не соглашусь, тебя это убьет.

– Почти что так и было.

Она была права, оба это знали.

– Тебе было бы лучше умереть, чем заводить ребенка не от меня.

Его глаза как кинжалы пронзили сердце Мариэллы. Она испуганно отшатнулась от него. Сейчас она не понимала, как она могла любить его, теперь она вспомнила, почему бежала от него. Он мог быть безумным.

– Чарльз, прекрати!

Чарльз схватил ее за руку. Тедди коротко вскрикнул и спрятался за спину Мариэллы.

– Чарльз, ребенок тебя боится. Так нельзя. *Прекрати!*

– А что я делаю? Он мой. Я имею на него право... Он должен был быть моим.

– Перестань! – выкрикнула она ему в лицо, теперь уже ни капли не боясь ни его, ни вообще кого-либо. Он сразу же отпустил ее руку. Мариэлла не хотела, чтобы прошлая жизнь затянула ее в омут. – Он не твой, и я не твоя... Андре тоже не был наш. Никто в этом мире никому не принадлежит. Мы все принадлежим господу богу, и он дает нас взаймы друг другу. А потом срок займа кончается... Это ужасно... Тогда страшно больно... И бывает, что срок выходит слишком скоро... Но он уже не наш... И ты не мой, и я не твоя... И Тедди не мой...

– Ты любишь его?

– Да, конечно.

– И он тебя любит?

– Да.

– Почему у тебя все это есть, а у меня нет ничего?

– Может быть, мне повезло. Или Малкольм меня пожалел. Или это всего лишь естественно. А может быть, я заплачу за все это, а ты нет.

– Какую же цену за это можно заплатить? Что ты заплатила, чтобы выйти за него замуж?

Что? Она вышла замуж за человека, которого не любила и который не любил ее, она это знала. Это не так легко, как можно подумать. Но с другой стороны, Чарльзу такая мысль не пришла бы в голову ни на мгновение.

– От чего конкретно ты отказалась, чтобы выйти за него?

Надежда... любовь... нежность... их с Чарльзом взаимная страсть... такая любовь, которую она знала когда-то... Но она не скажет Чарльзу всей правды, чтобы не нарушить своих обязательств по отношению к Малкольму.

– Выходя замуж, каждый раз от чего-то отказываешься. Возможно, я отказалась от своего прошлого.

– Я глубоко тронут твоей жертвой, – насмешливо проворчал он, глядя на нее стеклянными от алкоголя глазами.

– Чарльз, я такого от тебя не ждала. Как всегда, ты невыносим. – Правильно, он только разволновал и ее, и Тедди, и они ни до чего не договорились. Им не о чем договариваться теперь. Все закончилось. – Тебе не стоило мучить ни меня, ни себя. Ты что-то хотел сказать?

Он опять смотрел на Тедди, смотрел так, что ей стало не по себе. Он всегда был такой, когда пил. Такое случалось и в прежние времена, он мог выпить больше, чем нужно, и тогда оставался пьяным и наутро, и у него ум заходил за разум. Однажды он разорил гостиничный номер, бар, ресторан, чуть не убил двух человек... и ее... Это с ним случилось всего один раз, но она знала, на что он способен. Такое вряд ли можно забыть.

– Прости, – сказал он наконец, посмотрел с грустью, но было не похоже, чтобы он говорил искренне. Потом он посмотрел на Тедди, который цеплялся за мать все это время. – И вы простите меня, молодой человек. Я был непозволительно груб с вами и с вашей матерью. Это нехорошо, но мы с ней очень давно знакомы, почти с детства...

В самом деле, тогда они были почти детьми – восемнадцать лет и двадцать три года... Господи, два сущих младенца.

Чарльз взглянул на Тедди серьезнее:

– Я хотел бы когда-нибудь познакомиться с вами поближе. – Похоже, Тедди не испытывал подобного желания, однако он вежливо кивнул. – У меня тоже когда-то был маленький мальчик... Его звали Андре... – Чарльз поднял глаза на Мариэллу, и на глазах его опять выступили слезы. – Простите... Наверное, это потому, что вчера было так трудно... А сегодня я увидел вас... Черт... – Чарльз отвернулся и сделал глубокий вдох, чтобы мысли прояснились. – Почему вообще все так? Почему так все сложно? У тебя тоже так?

Он словно требовал ответа, но сам был уже спокойнее, и она утвердительно кивнула. Вчера в соборе она уже ответила ему на этот вопрос, но он забыл. А расставшись с ней, сразу начал пить.

– Нам надо возвращаться домой, – сказала она. – Уже пора.

Тедди нужно поесть, а потом пойти к кому-то на день рождения в сопровождении мисс Гриффин. Уже довольно поздно. И страшно. Она так ценила время, проводимое с Тедди. Жаль, что так получилось.

– Мне очень жаль, что мы с тобой так встретились.

Накануне было легче, потому что он не знал про ее сына. Теперь же его переполняли злорада и досада. К тому же прошлую ночь он посвятил алкоголю и жалости к себе. Но теперь он весь горел от ревности и гнева.

– Я уеду на следующей неделе. Я так вчера решил. Мы с тобой еще увидимся?

Она покачала головой, сжимая руку Тедди в своей.

– Но почему?

– Ты знаешь почему. Ты все еще сердишься на меня. Если мы с тобой будем опять встречаться, нам обоим будет только хуже. Зачем нам мучить друг друга, если можно обойтись без этого?

– Кто тебе сказал, что можно обойтись? Ты же несчастлива, у тебя это на лице написано. Ты беспокойна, ты нервничаешь, ты вся на взводе, внутри у тебя как будто все перекручено. Если очень захотеть, то все возможно, надо только не останавливаться ни перед чем.

Неужели он умоляет ее вернуться? Нет, скорее требует.

– Милая философия, Чарльз.

– Черт побери, я готов сделать что угодно, с радостью.

– Рада за тебя.

– Я хочу тебя.

– Не надо так говорить. Что с того? Предположим, как ты любишь говорить, я соглашусь. Ты все равно уезжаешь в Испанию воевать. Что меняется для меня?

Она пыталась с ним спорить, но он был явно не в том состоянии.

– Возможно, ты останешься здесь чуть счастливее. А возможно, тебе захочется поехать со мной.

Она едва не рассмеялась. Как у него все просто. После шести лет замужества она должна бросить Малкольма, малыша и ехать с Чарльзом в Европу, как будто ничего не случилось. Нет, он совершенно ненормальный.

– Ты и мальчика сможешь взять.

– Как же ты великодушен! А как Малкольм? С ним что будет?

– Я выигрываю – он проигрывает.

– Ты предлагаешь не то, Чарльз, и ты сам это понимаешь. Ты достаточно хорошо меня знаешь, и мне не надо тебе объяснять, что я на это не пойду.

– Возможно, – произнес он, сжимая ее запястье мертвой хваткой, – я сумею тебя заставить.

– Чарльз, здесь не Испания, и не надо сражаться за мою свободу. Это смешно.

Изо всех сил Мариэлла старалась скрыть, что взгляд Чарльза пугает ее.

– А еще смешнее будет, когда я возьму кое-что, что тебе дорого... что ты любишь... очень любишь... Возможно, это убедит тебя... скажем, присоединиться ко мне.

– Чарльз, что ты говоришь?!

Она боялась додумать мысль до конца.

– Мне кажется, ты меня поняла правильно.

– Ты этого не сделаешь!

Он хотел сказать, что он похитит Тедди, но пусть даже он окончательно рехнулся, он не сможет этого сделать. По его глазам понятно, что сможет. Все его прошлое за то, что не сможет. Или все-таки сможет?

– Все зависит от того, насколько ты ввергнешь меня в отчаяние, я понятно рассуждаю?

Неожиданно он отпустил ее запястье и засмеялся, а она взглянула на него с ужасом. Насколько же легче ей станет, когда он уедет. Теперь она уже жалела, что они встретились с Чарльзом в соборе. Наверняка он тоже до сих пор оплакивает смерть Андре, но горе за это время изменило его, превратило в кого-то другого. А этого другого она не знала. И не хотела знать.

– Даже если ты когда-нибудь сделаешь что-то подобное, знай, что это добром для тебя не кончится. Ты не только не заставишь меня идти за тобой... Я убью тебя. И мой муж тоже.

– Ты меня пугаешь.

Снова пьяный смех.

– Мне плохо, Чарльз. Между нами было нечто прекрасное... Двенадцать лет я свято хранила память об этом... о чистом и нежном... А ты обращаешься с прошлым так, что травишь и себя, и других. Андре был не такой, и ты был не такой.

– Может статься, я переменялся.

Его улыбка показалась ей зловещей. Настоящая трагедия состоит именно в том, что он не переменялся. Он любит ее, по-прежнему тоскует по ребенку, хочет, чтобы она вернулась, хочет снова поймать то прошлое, которое уже никогда не вернется, но и не забудется.

– До свидания, Чарльз. – Долго Мариэлла смотрела на него с грустью, потом виновато улыбнулась Тедди. – Мы идем домой.

Больше ей нечего сказать Чарльзу. Он стоял и смотрел, как они удалялись. Он даже не стал просить, чтобы она ему позвонила. Он был зол на нее, никогда в жизни он не был так зол на нее.

Когда Мариэлла подходила к машине, ей показалось, что стало еще холоднее. Тедди не сказал ни слова, пока они не сели в машину. А когда водитель захлопнул дверцу, мальчик тихо сказал:

– Он мне не нравится.

Патрик тоже ходил в парк и следил за ними издали, так как Малкольм дал ему такое распоряжение наблюдать за женой и ребенком, чтобы они всегда были в безопасности. Он видел Чарльза, узнал его. Тайные встречи Мариэллы сильно заинтриговали его. Странно, что она взяла с собой ребенка. Впрочем, возможно, она хотела, чтобы этот мужчина познакомился с Тедди.

– Он неплохой человек, – ответила Мариэлла сыну. – Просто он очень несчастен. Мы с ним раньше очень дружили.

Тедди кивнул, стараясь понять. Потом опять посмотрел на нее и задал вопрос:

– А кто такой Андре?

Она никак не предполагала услышать такой вопрос. У нее даже перехватило дыхание. Она помедлила, прежде чем ответить:

– Андре – это маленький мальчик. Он умер... очень давно. Чарльз тогда очень расстроился и с тех пор не может успокоиться. Поэтому иногда он так глупо себя ведет.

Тедди кивнул – все, мол, ясно. И опять спросил:

– А ты тоже знала Андре?

Согласно кивнув, она усилием воли сдержала слезы и не спрятала лицо. Она собиралась сказать ему когда-нибудь, но ведь не таким же образом, не прибегая к уверткам. Сейчас Тедди слишком рано знать обо всем этом. Тем не менее она постаралась ответить на его вопрос, стирая слезу со щеки:

– Да, я тоже знала его.

– Он был красивый?

Для Тедди этот вопрос всегда имел первостепенное значение. Мариэлла почувствовала комок в горле, который рвался наружу. Нужно сдержаться.

– Он был очень хороший... И очень рано умер.

Слезы все-таки медленно текли по ее щекам. Она не знала, что сказать Тедди. И в самом деле ей нечего было сказать. Вместо объяснений она просто прижала его к себе и снова почувствовала огромную благодарность, что он у нее есть. Слишком она испугалась того, что говорил Чарльз. Так ли она поняла его? Неужели, чтобы заставить ее вернуться, он украдет ее мальчика? Это немыслимо. Она знала, что все это пустые угрозы. Никогда он не причинит вреда Тедди.

– Плохо, что мы встретили его сегодня. Жалко, что у тебя не получилось посмотреть на лодки.

– Да ладно. – Тедди мужественно улыбнулся. – Я все равно люблю быть с тобой.

Он умел всегда найти такие слова, от которых ей делалось легче и хотелось еще больше любить его.

– А хочешь завтра сходить на «Белоснежку»?

Завтра воскресенье, а по воскресеньям Малкольм, как правило, сидит дома и занимается своими бумагами, поэтому она бывает свободна. А лучше всего то, что у мисс Гриффин завтра свободный день, и никто не будет им мешать. Тедди может быть целый день с Мариэлла, а если понадобится помощь, она позовет Бетти, а вечером с ним посидит Эдит.

– Ура! Правда? Мы правда пойдем на «Белоснежку»?

– Конечно. Значит, договорились?

Когда они подъехали к дому, Тедди пулей выскочил из машины. Хейверфорд открыл им дверь и позволил себе тень улыбки, потому что ему очень понравился молодой мистер Теодор, который пулей влетел в дом и немедленно помчался наверх.

На лестнице он едва не столкнулся с отцом. Мариэлла сначала испугалась, не расскажет ли он Малкольму про Чарльза, но Тедди слишком спешил, он должен был готовиться идти на день рождения, к тому же был слишком взволнован перспективой пойти завтра на «Белоснежку», поэтому он и не вспомнил про странного человека возле пруда в Центральном парке. Когда Мариэлла сняла шубу, Тедди был уже на третьем этаже.

– Где это вы были? – непринужденно спросил Малкольм. Он собирался ненадолго заехать к себе в офис. Он всегда заезжал туда по субботам, а потом ему предстояло ехать в клуб на ленч, на который он пригласил одного знакомого, приехавшего из Калифорнии.

– Мы ходили на пруд, хотели посмотреть на лодки, но пруд замерз.

– Наверное, очень холодно, – предположил Малкольм, и Мариэлла кивнула.

– Ты уходишь?

– Да, дорогая. – С серьезным видом он поцеловал ее в щеку. – А ты не забудь, что вечером ужин у Уитов.

Предрождественская вечеринка с танцами. Она собиралась надеть умопомрачительное платье, которое Малкольм привез ей из Парижа. Это было изумительное платье из белого атласа со множеством тончайших рюшей на груди и на рукавах. К нему подойдут бриллиантовые серьги и колье. А еще она наденет серебряные туфли, а сверху – длинную, до пят горностаевую шубу, которую муж подарил ей на день рождения.

– А на завтрашний вечер есть какие-нибудь планы? – спросила Мариэлла, потому что вдруг забыла, что он ей говорил. А он вспомнил, что утром положил ей на стол записку.

– Я завтра рано еду в Вашингтон. Хочу добраться туда еще засветло, потому что на вечер назначен ужин у министра торговли, а в понедельник я хочу провести весь день с послем. – Да, серьезная поездка, и обе секретарши наверняка поедут с ним. – Ты не возражаешь?

Обоим было ясно, что возражать она не станет, но он всегда был настолько внимателен, что спрашивал ее согласия, и она послушно принимала правила игры и отпускала его с улыбкой.

– Нет. Мы с твоим сыном решили совершить вылазку на «Белоснежку», а вечер проведем дома. – Мариэлла улыбнулась мужу. Как хорошо, что он так мягок с ней, особенно после сумасшедшего поведения Чарльза.

– Ты определенно не поедешь со мной?

– Нам будет тут хорошо. – Она снова улыбнулась, и Малкольм поцеловал ее в лоб.

Затем он дал Патрику знак, что он готов, и шофер пошел к машине, а Хейверфорд подал хозяину шляпу.

– Мы с тобой еще увидимся, дорогая. Надеюсь, все будет хорошо. Отдохни, а то вечером придется потрудиться. Не хотелось бы, чтобы у тебя опять заболела голова.

Иногда ей казалось, что с ней все обращаются как с тяжелобольной. Конечно, после такой встречи с Чарльзом голова имеет право заболеть. Но день прошел все же не так уж и плохо. Она простилась с Тедди и поздоровалась с ним, когда он вернулся со дня рождения, а вечером поднялась в детскую, чтобы еще раз поцеловать его перед сном. Правда, мисс Гриффин заворчала, ей казалось, что мать с сыном достаточно общались за этот день, но очень уж он любил смотреть, во что мама одевается, когда идет в гости. Он очень забавно охал и ахал, рассматривая ее туалет.

Платье выглядело на ней изумительно. Божественное платье, Малкольм так и сказал, что в этом платье она – богиня. Она обратила на себя внимание всех гостей на вечере у Уитов. Каждый сказал ей комплимент по поводу ее наряда, и мужчины не преминули заметить Малкольму, что ему невероятно повезло, что у него такая молодая жена, да к тому же такая красавица.

По дороге домой Малкольм опять говорил ей, как она хороша, а она все больше молчала. Она улыбалась его словам, но сама думала про Чарльза и его угрозы насчет Тедди. В конце концов она решила, что Чарльз просто потерял голову от горя и одиночества, а на самом деле он никогда не причинит вреда ни одному ребенку в мире, тем более ее ребенку. Он вспылал, потому что она отказала ему в свидании, вот и не знал, что ему делать, стал выдумывать какие-то угрозы. Она была рада, что отказалась с ним встречаться. Эти встречи могли бы только раздуть старое пламя, и они оба сделались бы еще несчастнее. При иных обстоятельствах она обязательно рассказала бы о нависшей опасности Малкольму, но сейчас она чувствовала, что это невозможно. Малкольм не имел понятия, какое место Чарльз занимал в ее жизни, он вообще не знал о существовании Чарльза, не говоря уже про брак и про ребенка, который умер. Малкольм не понял бы, зачем Чарльзу может понадобиться Тедди.

– По-моему, тебя что-то беспокоит.

Он заметил. Впрочем, задумчивость шла Мариэлле, и впервые за долгое время Малкольм ощутил, что его влечет к ней. Он даже сам удивился.

– Просто я задумалась.

– О чем?

– Да ничего особенного.

– Ладно, но для меня ты всегда особенная.

Она рассеянно улыбнулась, и Малкольм решил не развивать тему; наверное, у него имелись свои соображения.

Одна из горничных должна была специально дождаться их возвращения, чтобы помочь госпоже раздеться. Мариэлла сняла драгоценности и легла. Но и в постели она думала о Чарльзе... о том, что он говорил ей в парке... В эту ночь ей приснился не Андре. Ей приснился Тедди.

Глава 4

На следующий день после обеда Мариэлла ходила с Тедди на «Белоснежку». Детский праздник проходил в нью-йоркском радиоцентре, а потом Мариэлла повела сына в кафе Шрафта выпить горячего шоколада. День прошел прекрасно для обоих. Тедди сказал, что любит, когда у мисс Гриффин свободный день, и Мариэлле еще больше захотелось, чтобы мисс Гриффин в доме больше не было. Надо бы не забыть еще раз поднять этот вопрос в разговоре с Малкольмом. Он-то все думает, что мисс Гриффин приносит мальчику пользу, учит его хорошим манерам. Малкольм считает, что лучшие гувернантки – англичанки. Но по пути домой ни Тедди, ни Мариэлла о мисс Гриффин уже не думали. К тому же вечером Мариэлла сама искупала Тедди в своей огромной мраморной ванне. Тедди был в восторге. Они напустили полную ванну пены, так что когда Эдит, рыжая горничная, увидела, что делается на полу, она пришла в ярость. Предполагалось, что она посмотрит за Тедди вечером, но у нее имелись свои планы, в которых фигурировал Патрик. Они собирались пойти на танцы в Ирландский танцевальный клуб, поэтому Эдит упростила Бетти, молоденькую девушку, которая работала при кухне, посидеть с ребенком вечером. Эдит обещала по возвращении заплатить Бетти пять долларов. После этого Эдит сможет незаметно проскользнуть в комнату для игр, и комар носа не подточит. Естественно, что ей не понравились лужи мыльной пены на полу в ванной, так как она не могла уйти с Патриком, не убрав все это безобразие. Найти кого-то, кто согласился бы сделать эту неприятную работу за нее, было уже совсем нереально.

Мариэлла перекусила вместе с Тедди в детской, потом почитала ему перед сном. Когда он разделся и лег, она спела ему рождественскую песню, погладила его по голове, и он заснул, удобно пристроившись с ней рядом. Тогда Мариэлла тихо выбралась из его кровати, чтобы не разбудить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.